

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

ПОЩЁЧИНА ГЕНЕРАЛ- ПОЛКОВНИКУ ГОТУ

СЕРГЕЙ ТРИФОНОВ

В сводках не сообщалось...

Сергей Трифонов

**Пощёчина генерал-
полковнику Готу**

«ВЕЧЕ»

2021

Трифонов С. Д.

Пощёчина генерал-полковнику Готу / С. Д. Трифонов — «ВЕЧЕ»,
2021 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-8649-4

В новую книгу известного новгородского мастера военно-приключенческого жанра Сергея Дмитриевича Трифонова вошли повесть и рассказы, посвященные героизму советских бойцов в первые три месяца 1941 года, которые благодаря своему упорству и мужеству задержали продвижение немецко-фашистских войск и сорвали гитлеровский план блицкрига. На примере военных судеб простых танкистов, пехотинцев, артиллеристов, поваров показана неистребимая воля командиров и красноармейцев к победе, ненависть к врагу, преданность и любовь к Родине.

ISBN 978-5-4484-8649-4

© Трифонов С. Д., 2021
© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Пощёчина генерал-полковнику Готу	6
1	6
2	8
3	11
4	13
5	16
6	18
7	21
8	24
9	28
10	30
11	33
12	37
13	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Дмитриевич Трифонов

Пощёчина генерал-полковнику Готу

© Трифонов С.Д., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Пощёчина генерал-полковнику Готу

Повесть

*... Нападение на Россию было политической ошибкой, и... поэтому
все военные усилия с самого начала были обречены на провал.
Генерал-полковник Герман Гот*

1

Кто-то одёрнул плащ-палатку, и в шалаш ворвались жгучие лучи июльского солнца.

– Товарищ капитан, – голос был тревожный, но очень знакомый, – а товарищ капитан, просыпайтесь, вас комдив на совещание вызывает.

Гордеев вначале открыл правый глаз, прикрываясь рукой от солнца. Так и есть: в палатку влез сержант Уколов, вестовой комбата. Сержант, не довольствуясь одним открытым глазом Гордеева, стал трясти лежавшего за сапог, то и дело повторяя:

– Вставайте, товарищ капитан, комдив требует.

– Ну и язва ты, сержант, – беззлобно произнёс Гордеев, сладко зевая, – чудесный сон не дал досмотреть. Слышал я. Через полчаса буду.

Когда Уколов исчез, он поглядел на ручные часы, было ровно одиннадцать, вновь улёгся, заложив под голову руки.

«Это же надо, три часа проспал! И как же спал я здесь в этой вони?» Его потрёпанный танковый комбинезон источал такой крепкий запах мазута, масла и бензина, что, казалось, за версту можно было с уверенностью утверждать: здесь располагается пункт материально-технического обеспечения, а не палатка командира танкового батальона капитана Гордеева.

Старшина Ефременко уже ждал командира, приготовив заранее тёплой воды, мыло, помазок, трофейную безопасную бритву и полотенце, мягко оттерев в сторону вестового Уколова. На вешалке, закреплённой за сосновый сучок, висела чистая командирская форма с медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу».

– Спасибо Егорыч. Что бы я без тебя делал.

Пока командир брился и мылся, старшина сидел рядом на снарядном ящике, посасывал старенькую трубочку из вишнёвого корня, рассуждая о минувшем бое.

– Крепко мы немчуру тряхонули. Они от страха аж за двадцать вёрст от Ярцево сиганули. Потери, конечно, у нас большие. В пехоте, говорят, в ротах человек по двадцать осталось. Зато Ярцево у германцев отбили, Минское шоссе снова оседлали, а главное, товарищ капитан, у людей вера в наши силы вновь появилась.

Слушая старшину, Гордеев думал, как многое изменилось за последние две недели, когда командующим оперативной группы войск здесь, в районе Смоленска, был назначен генерал Рокоссовский. Основу опергруппы составляли их 101-я танковая дивизия, 38-я стрелковая дивизия, остатки 7-го механизированного корпуса и сводный отряд полковника Лизюкова, оборонявший переправы через Днепр. Постепенно Рокоссовский собирал все выходившие к Днепру и Западной Двине из окружения части, переформировывал их, укреплял личным составом, оружием и боеприпасами. На фронте впервые после начала войны почувствовалась твердая командирская рука. Налаживались связь и разведка, заработали тыловые службы, бойцы и командиры вновь стали осознавать себя частью большого и грамотно управляемого военного организма.

Рокоссовский с миру по нитке собрал батареи 37-мм автоматических зенитных орудий и счетверённых пулемётов, разместил их в районах переправ, узловых станций, на перекрёстках основных магистралей. Немцы, потеряв от огня зенитчиков несколько десятков пикирующих бомбардировщиков, свой пыл поумерили, активность их авиации севернее Смоленска временно пошла на убыль. Генерал, опираясь на грамотных командиров, быстро сформировал в составе опергруппы сильную артиллерийскую группировку, неустанно громившую немцев.

Собрав в кулак, всё, что имелось, Рокоссовский неожиданно для германского командования нанёс мощный контрудар. Сапёры ночью навели через Вопь несколько переправ, наша артиллерия под утро открыла ураганный огонь по врагу, а затем пехота и танки форсировали реку, отбили у немцев Ярцево, захватили на западном берегу выгодные позиции и, закрепившись на них, отбили все контратаки.

Батальон Гордеева из оставшихся в строю одиннадцати танков БТ-7, форсировав реку, атаковал с левого, юго-западного фланга, очистил от немцев берег Вопи, а затем, получив приказ командира полка, повернул на север и нарвался на батарею противотанковых пушек. И если бы не огонь нашего дивизиона 122-мм гаубиц, чётко накрывшего немецких артиллеристов, гореть бы ему, Гордееву, там, в Ярцево, как сгорели пять машин его батальона вместе с экипажами.

Всё это было вчера. А сегодня ночью дивизия, в которой осталось 80 танков, разместилась в сосновом бору. Здесь же под мощными кронами, скрывающими от германской авиации, укрылись штабы, медсанбат, ремонтные мастерские...

Всю ночь и всё утро Гордеев вместе со своими танкистами и техниками занимался ремонтом повреждённой техники: латали пробойны, чинили ходовую часть, меняли гусеничные траки, чего не хватало, снимали с подбитых танков. К семи часам в основном закончили, и помпотех батальона воентехник 1-го ранга Гутман с чёрным от масла и мазута лицом и руками, устало проскрипел:

– Иди спать, командир, остальное доделаем без тебя, я прослежу.

Из-за деревьев вышел начальник особого отдела полка, немолодой крепыш в солдатской гимнастёрке со шпалой на петлицах и кирзовых сапогах. Вытирая платком лоб и, не глядя на командиров, резко спросил:

– А кто хоронить сгоревших бойцов будет? Кстати, Гордеев, почему батальон потерял половину танков?

Гордеев вспыхнул и чуть не наговорил чекисту дерзостей, но помпотех крепко обнял его, развернул и подтолкнул в спину.

– Иди, командир, спать. Я всё объясню товарищу лейтенанту госбезопасности. Иди.

С трудом добредя до командирского шалаша, не умывшись и не раздеваясь, Гордеев свалился на аккуратно сложенный старшиной брезент. Он полагал, до смерти уставшее тело и воспалённый мозг наконец-то отдохнут, сон окутает его. Но ничуть не бывало. Как часто случается, инерция крайней усталости напрочь гнала сон. Целый час он провалился с открытыми глазами. Словно скачущие бесы навалились воспоминания.

2

Яркий солнечный день. Конец июня тридцать седьмого года. Он, студент-историк Ленинградского университета, сдал последний экзамен летней сессии и теперь, ощущая себя трёхкурсником, весело шагал по Большому проспекту Васильевского острова, гордо держа красивую голову со светлыми волнистыми волосами. Белая рубашка с короткими рукавами и большим отложным воротником, светлые летние брюки и парусиновые башмаки, выразительно подчёркивали его молодость и спортивную выправку. Ему девятнадцать. Он счастлив и влюблён. Лёша Гордеев шёл на свидание. Сегодня вместе с Надеждой они пойдут в концертный зал консерватории и будут слушать любимого Вивальди.

Год назад в том же консерваторском концертном зале, куда его привела мать, сорокалетняя красивая женщина, на скрипичный концерт Баха, они познакомились с Надей. Было это так. После концерта в фойе к нему подошла весьма привлекательная и хорошо одетая (что тогда было редкостью) девушка. Невысокого роста, стройная, с шикарной копной выющихся каштановых волос. Её слегка вытянутое лицо с аккуратным прямым носом, тонкими ироничными губами и огромными с хитринкой карими глазами было ухожено. Крупные золотые серьги с овальными голубыми камнями подчёркивали красоту ушей и шеи. На левой руке красовались маленькие дамские часы на золотом браслете, правую украшала золотая цепочка. От неё исходил тонкий аромат незнакомых духов. Её движения были энергичны. По всему было видно, девушка не из простых и весьма уверена в себе.

– Молодой человек, меня зовут Надежда, – звонко представилась девушка и протянула ладонь с красивыми длинными пальцами.

Алексей на секунду опешил, но будучи парнем не робкого десятка, взял её руку в свою и, чуть склонив голову, ответил:

– Алексей. Алексей Гордеев.

– Вам нравится Бах?

– А вам? – вопросом на вопрос ответил Алексей.

– Мне больше нравится Вивальди, – сделав смешную гримасу, ответила она. – Его музыка жизнерадостная, светлая, яркая. Как мой характер!

Надя засмеялась и взяла его под руку. Мама Алексея, наблюдавшая картину знакомства сына с девушкой, ухмыльнулась и, проходя мимо, незаметно сунула в его карман пять сложенных трёхрублёвок. Мало ли, придётся девушку мороженым угощать. А, возможно, и шампанским. Алексей придержал мать за руку.

– Мама, познакомься, это Надя.

– Очень приятно, – улыбаясь, произнесла Анастасия Петровна, – вы очень милая девушка. Я, Лёшенька, домой, дел много. Если будешь задерживаться, позвони.

Когда мать ушла, Надя сказала как-то загадочно:

– Интересная у тебя мама. Красивая, стильная, с хорошими манерами. Сколько ей лет?

– Сорок.

– Никогда бы не подумала! Дала бы ей от силы тридцать.

Она засмеялась, прижалась к нему и продолжила:

– Я, честно говоря, подумала, наблюдая за вами в зале, что это твоя девушка. А сколько же тебе лет?

– Восемнадцать.

Она удивилась:

– Не может быть! Ты выглядишь старше. Тебе вполне можно дать двадцать три. Слушай, а поедem в гости к моим друзьям! Они художники, у них весело.

– Как-то неудобно.

– Пустое, поехали.

Надя помахала рукой и остановила такси. Выходившие вместе с ними из консерватории люди с недоумением глядели на юную пару, усаживавшуюся в такси. Большинству в то время это было не по карману.

Пока ехали на Петроградскую сторону, Надя рассказала, что она единственная дочь очень известного в городе ювелира, что учится в Академии художеств, что ей двадцать один год. По пути заехали в гастроном. Надя попросила Алексея остаться в машине, а сама через десять минут вернулась, неся коробку с торчавшими из неё бутылкой армянского коньяка и двумя палками сырокопчёной колбасы, которую и в «Алексеевском» магазине можно было купить с большим трудом, выстояв день в очереди и отдав полсотни рублей. С тоской вспомнив о пятнадцати рублях в своём кармане, Алексей понимал: на оплату такси не хватит. Не спрашивая его, Надя расплатилась.

Их первый вечер они провели весело. В мастерской художника собралась компания художников, скульпторов, музыкантов, поэтов... Все громко говорили, много пили, спорили, танцевали под граммофон, обнимались по углам, целовались... Здесь была какая-то иная, незнакомая Гордееву жизнь. Никто не говорил о политике, войне в Испании, о скудости советского бытия, голодном прозябании народа в провинции, о нараставшей волне арестов... Позже, побывав здесь неоднократно, Алексей понял, постояльцы просто старались забыться, на время оторваться, скрыться от суровых реалий сталинского режима. Все они жили в неуверенности, страхе, а здесь отдыхали душой и телом. Отдыхал и он.

Отец Алексея происходил из семьи инженеров-железнодорожников. Накануне Февральской революции он занимал высокую должность в Министерстве путей сообщения, имея чин действительного статского советника. После октябрьского переворота большевики, ценя его профессионализм и знания, оставили его на службе в наркомате путей сообщения, сохранили за ним большую квартиру и высокое денежное довольствие. В конце семнадцатого года он, сорокапятилетний красавец, женился на своей секретарше, очаровательной девушке из разночинной учительской семьи. Молодая супруга была в два раза моложе. В восемнадцатом году на свет появился Алексей.

В семье царили любовь и взаимоуважение. Алексей не помнил, чтобы кто-то из родителей повышал голос, был резок или нетерпим. Мальчик рос в атмосфере душевной теплоты, в окружении книг, картин русских мастеров, хорошей музыки. Отец привил ему любовь к спорту, и с восьми лет он всерьёз занимался спортивной гимнастикой. Семья жила в относительном достатке.

Всё изменилось в тридцатом году. Осенью под Харьковом во время испытания нового мощного локомотива, купленного в США, рухнул наскоро отремонтированный после Гражданской войны железнодорожный мост через небольшую речушку. Погибла вся локомотивная бригада и его отец. Мать с сыном немедленно выселили из квартиры, выделив комнатку в железнодорожном общежитии неподалёку от Варшавского вокзала. Анастасия Петровна заплакала пару дней, а потом села и написала письмо Сергею Мироновичу Кирову, с которым был дружен погибший Гордеев. Вскоре их переселили в просторную двухкомнатную квартиру на 8-й Линии Васильевского острова, назначили пенсию за погибшего отца, а мать приняли на работу переводчицей аж в сам Смольный. Жизнь постепенно налаживалась. Конечно, того благополучия, как при живом отце, уже не было, но жили весьма сносно, не голодали и в обносах не ходили.

Что интересно, в семье не любили большевиков, но дома разговоры о власти и её лидерах не велись. Алексей никогда не слышал из уст родителей недовольства отсутствием в магазинах самых необходимых товаров, а в аптеках лекарств. Ему привили любовь к Родине и сдержанное уважение к власти. В пионеры и комсомол вступил, но системно отлынивал от поручений,

ссылаясь на большую загруженность в спорте. Постепенно на него махнули рукой, благо его спортивные достижения поднимали авторитет школы.

С детства он не привык задавать лишних вопросов на уроках истории, до всего доходил сам, читая и перечитывая Карамзина, Соловьёва, Ключевского, про себя споря с Покровским и Бухариным... Мать одобрила его выбор стать историком, но как-то во время их прогулки по набережной предупредила:

– Будь осторожен, мой мальчик. Этой власти объективная история не нужна. Идут систематические аресты преподавателей истории в вузах, техникумах и школах. Будь осторожен.

Он и был осторожным. Пользуясь советом матери, темой своих научных интересов в университете выбрал поземельные отношения в период правления Ивана Грозного и под научным руководством Сигизмунда Натановича Валка написал и успешно защитил две курсовые работы.

А исторический факультет трясло с каждым днём всё сильнее. Перед поступлением Алексея были арестованы декан факультета Зайдель и двенадцать преподавателей, обвинённых в связях с Зиновьевым. В прошлом, тридцать шестом, году арестовали декана Дубровского вместе с десятью преподавателями как «скрытых троцкистов», а в этом году был арестован новый декан Дрезен за «неприятные меры по искоренению троцкистского влияния на факультете». Алексей понял, полнокровных исторических знаний оставшаяся часть профессорско-преподавательского состава дать не может, и он всё глубже занимался самостоятельно в факультетской и университетской библиотеках. Пока он ещё не задумывался о своей судьбе после получения диплома. Пока он был счастлив своей молодостью и любовью. А творившийся ежовский беспредел воспринимал с горечью, опаской, но как неизбежное зло, которое, возможно, со временем отомрёт само собой.

Первые бугорки в отношениях с Надей появились, когда Алексей не смог прийти на свидания по академическим причинам или из-за плановых тренировок. Она устраивала ему сцены, обвиняла в эгоизме, нелюбви к ней, не отвечала на телефонные звонки, исчезала на несколько дней... Он объяснял это женскими капризами или «женскими днями». Потом всё налаживалось. Она была вновь с ним нежна и страстна. Правда, он никак не мог понять, а когда же Надя учится? Вставала она не ранее десяти утра, до обеда ходила к парикмахерше, затем по магазинам или художественным салонам, вечером с Алексеем – на концерты, в театр, в кино или к художникам. Всё чаще от неё пахло спиртным. Иногда, когда у него были вечерние тренировки и он был вынужден отказываться от её интимных предложений, она гладила его по щеке и по-кошачьи мурлыкала:

– Мой маленький котёночек не хочет свою кошечку. Придётся ей от скуки завести дворового драного кота.

Они смеялись и целовались. Но в душе у него оставались царапинки. Анастасия Петровна видела переживания сына. Материнское чутьё подсказывало ей, роман движется к финалу. Но она никогда не вмешивалась в личную жизнь сына, считая его взрослым, умным и самостоятельным. Свою олимпийскую дистанцию он должен был пройти самостоятельно. Как его отец. Как она сама.

3

Алексей ждал Надежду на углу Клубного переулка и Большого проспекта у только построенного Дома культуры имени Кирова. Они собирались в кино. Она опаздывала, и Алексей доедал уже вторую порцию эскимо. Скрипнули тормоза такси. Из машины вышли Надя и высокий молодой мужчина в форме НКВД. На его краповых с малиновым кантом петлицах сияли по три покрытых эмалью кубика. Андрей опешил, его охватил испуг, но он быстро взял себя в руки (спортивная закалка). Он заметил, что Надя весела и раскованна, а чекист форменную фуражку неформально держит под мышкой.

– Алёша, – защебетала Надя, как-то пряча взгляд, – познакомься, это Владимир.

– Младший лейтенант госбезопасности Ламзин, – представился чекист низким грудным голосом курящего человека, протягивая руку.

Ему было лет под тридцать. Мускулистый, с большими кулаками, явно, как определил Алексей, занимается боксом. Его лицо ничем не выделялось. Скорее было каким-то безликим. Но вот глаза... Словно два зелёных луча гиперболоида инженера Гарина пронизывали до самого нутра. От его взгляда холодок пробежал по спине.

Алексей ответил на излишне крепкое рукопожатие таким же. У чекиста от удивления бровь пошла домиком, но он не выдал своего раздражения. Всякое желание общаться и с Надеждой, и с её новым кавалером, а Алексей не сомневался, что это был кавалер, пропало. Он поглядел на ручные часы.

– Леша, ты куда-то торопишься? – спросила Надя. – Мы ведь собирались в кино, и Володю я решила взять с нами.

Гордеев сделал виноватую улыбку и как можно сдержаннее ответил:

– Прости, но никак не получается, сегодня тренировка. Сборная университета готовится к городской спартакиаде. В другой раз. Прости.

Он вышел на Средний проспект и неспешно двинулся в сторону дома, обдумывая произошедший конфуз. Был ли он огорчён? Пожалуй, нет. Был ли он уязвлён? Да, так порядочные люди, по его мнению, не поступают. Могла бы просто позвонить. Любил ли он Надю? Он уже не мог ответить себе на этот вопрос. Другой на его месте в его возрасте умирал бы от ревности. Но он ожидал, что когда-то это произойдёт. Он прекрасно понимал: Надя старше и опытнее его, ей требовался взрослый, крепко в жизни стоявший на ногах и материально независимый мужчина. Она хотела замуж, желала детей... В ближайшей перспективе Алексей не мог ей дать ничего, кроме своей любви и преданности.

Он был умным парнем с крепким характером и прекрасно понимал: эту страницу жизни требуется закрыть. Но мучило его и другое – неопределённость в университете: застой в учебном процессе из-за арестов преподавателей, стужавшаяся атмосфера недоверия, страха, активизация общественников из самых серых и бездарных студентов, бурно расцветавшее стукачество... Эту страницу Алексей тоже решил закрыть. Он был уверен, сегодня историки не требовались. Сегодня, когда полыхала войной Испания, когда неспокойно было на Дальнем Востоке, где распоясалась японская военщина, а в Германии Гитлер готовил Европу к новым страшным испытаниям, стране нужны были красные командиры. Думая обо всём этом, он вернулся домой.

Анастасия Петровна, почувствовав неладное в настроении сына, не стала сразу докучать его вопросами.

– Алёша, – весело сказала она, надевая фартук, – это здорово, что ты рано пришёл! Давай поужинаем. Сегодня у нас чудесные котлетки с жареной картошечкой и салатом из молодой редисочки. Мой руки и садись за стол.

За ужином Алексей признался:

– Мама, сегодня мы расстались с Надей.

Анастасия Петровна положила свою руку на руку сына.

– Ты сильно огорчён, мой мальчик? – её глаза лучились любовью и нежностью.

– Нет, мама. Это должно было случиться, рано или поздно. Я был к этому готов.

Анастасия Петровна наполнила чашки душистым чаем, пододвинула сыну розетку с его любимым крыжовниковым вареньем.

– Жизнь приносит нам, Лёшенька, жестокие испытания. Многие не справляются с ними, опускаются, начинают пить... Ты не из тех. Я уверена, ты встретишь любимую девушку.

Она помолчала о чём-то думая, потом сменила тему:

– Что в университете? Слышала, арестовали нескольких студентов? Твоё мнение об этом?

– Надо уходить, мама. Пока не поздно. Думаю подать документы в военное училище.

Наступило долгое молчание. Лицо матери побледнело, она вся напряглась, пальцы рук чуть подрагивали. Затем, словно очнувшись, она встряхнула своей красивой головой, обняла сына за плечи и, улыбаясь, объявила своё продуманное решение:

– А и правда, Лёша, в нашем роду ещё не было военных, ты будешь первым.

4

В августе тридцать седьмого Алексея Гордеева зачислили в Ленинградское авто-техническое училище, готовившее специалистов-техников по обслуживанию и ремонту легких танков Т-26. После прохождения курса молодого бойца он принял присягу, а после торжественного построения командир батальона первокурсников майор Нестеренко пригласил Алексея к себе в кабинет. Немолодой, коренастый с почти седой головой комбат закурил, предложил папиросы Гордееву.

– Спасибо, товарищ майор, не курю.

– Молодец. Скажи, Гордеев, только честно, почему ушёл из университета и поступил в училище? В академической справке об успеваемости у тебя одни пятёрки...

Алексей, не моргнув глазом, чётко, командирским голосом ответил:

– Стране нужны командиры. Пахнет порохом и на востоке, и на западе. Я, товарищ майор, не из тех, кто будет сидеть в тиши библиотек и, сложа ручки, наблюдать, как над страной сгущаются тучи.

Майор бросил на Гордеева недоверчивый взгляд, пытаясь понять, насмехается этот парень над ним или режет правду-матку. Что-то неуловимо ироничное звучало в его словах. Между тем лицо открытое, взгляд честный.

– Похвально, Гордеев, похвально. – Комбат полистал личное дело курсанта. – Очень хорошо, что ты, Гордеев, отличный спортсмен, кандидат в мастера спорта по спортивной гимнастике. Поэтому поручаю тебе ответственное дело. Будешь инструктором батальона по физподготовке. На твои плечи ляжет организация спортмероприятий в батальоне, разных соревнований между взводами и ротами. Потянешь?

– Постараюсь, товарищ майор.

– Но имей в виду, всё это по выходным дням. От учебы тебя никто не освободит.

Завертелась курсантская жизнь, понеслись нескончаемой чередой учебные дни, недели, месяцы... Подъем в 6.30, утренняя пробежка и физзарядка, мытьё, бритьё, приведение себя в порядок, быстрый завтрак, построение, развод по учебным классам, а кому в наряд, быстрый обед, учёба, строевая подготовка или физподготовка, быстрый ужин, чистка оружия, обуви, уход за формой, час свободного времени, отбой... Выходных Алексей практически не имел. По воскресеньям шли соревнования между взводами и ротами по волейболу, футболу, троеборью, стрельбе из пневматической винтовки... Иногда политруки рот водили их на экскурсии в Эрмитаж, Русский музей, Петропавловскую крепость... Изредка Алексея отпускали вечером в субботу домой, где он полдня отсыпался, мылся и отъедался.

Учёба Алексею давалась легко. Физические нагрузки ему казались смешными по сравнению с тренировками в университетской сборной. Курсантский режим и общую моральную обстановку он переносил спокойно, стойчески. С командным и преподавательским составом был корректен и вежлив. В отношениях с курсантами держал себя ровно, не выпячивался, не кичился своим культурным превосходством, но панибратства не допускал, во внеуставных мероприятиях – самоволках и редких ночных распитиях самогона и дешёвого вина – не участвовал. Курсанты, бывшие в основном младше Алексея, относились к нему уважительно, но с некоторой опаской. Гонял он их на физподготовке по полной, до седьмого пота. Многие ведь, поступив в училище, и трёх раз подтянуться на перекладине не могли, на кроссах падали от усталости после первого километра, но уже к весне окрепли, накачали мускулы, на гимнастёрках некоторых засияли значки БГТО.

Поначалу Гордееву многое в училище казалось странным. В первую очередь контингент курсантов. Большинство ребят пришло по комсомольскому призыву с заводов, фабрик, колхозов и совхозов, имея семилетнее образование. Окончивших среднюю школу были еди-

ницы, а пришедших из вуза – один, Гордеев. В общей массе молодёжь была малообразованная, не приученная к книгам, плохо или совсем не знавшая русскую классику; некоторые в восемнадцать лет читали по складам, вслух, медленно шевеля губами. Для кого-то политзанятия – по мысли Гордеева, пустая трата времени – стали откровениями, раскрывшими их глаза на просторы и административно-территориальное устройство СССР, многонациональность населения, на ход индустриализации, подъём культурного уровня людей... И если бы не каждодневное тупое вдавливание в неокрепшие мозги агитационно-пропагандистских штампов о неизбежности победы мирового социализма, пролетарском интернационализме, ожесточении классовой борьбы в стране по мере продвижения к победе социализма и необходимости истребления на этом пути всех врагов народа, вылезавших повсюду из всех щелей, словно ядовитые пресмыкающиеся, через два года из этих парней вполне можно было слепить если и не совсем толковых командиров, то хотя бы вполне грамотных механиков, разбиравшихся в бронетанковой технике. Часть из них таковыми и стала, заняв после окончания училища должности помпотехов рот. Большинство же, не получив толкового образования по тактике и военному искусству, не осознав ответственности командира, погибла в суровую зиму 1939–1940 годов на советско-финской войне.

Безусловно, для многих ребят училище стало социальным лифтом, вырвавшим их из полуголодного и каторжного колхозного строя, со строек народного хозяйства и из цехов заводов, где средняя продолжительность жизни рабочих не превышала 42 года. Они были счастливы влиться в командирский корпус непобедимой РККА.

Не всё было просто с преподавательским составом. Общеобразовательные предметы – математика, физика, химия, основы сопромата, русский язык и литература, география, история – вели гражданские. Вели грамотно, толково, интересно. Военные прекрасно преподавали материальную часть танков, бронеавтомобилей и тракторов, военную топографию, стрелковое оружие и боеприпасы, но совершенно бездарно и безграмотно учили курсантов тактике, взаимодействию видов и родов войск в бою, организации тыла, разведки и связи. Плохо были поставлены общеинженерная подготовка, изучение вооружённых сил потенциальных противников. Алексею казалось очень странным, что до них совсем не доносили опыт применения бронетанковой техники в Испании, не знакомили с современными образцами британских, французских, чешских, немецких, японских танков. Правда, однажды им показали плакаты с изображением немецких лёгких танков Т-1 и Т-2, пафосно заявив, что они не могут иметь никакого сравнения с основными советскими танками Т-26, БТ-5 и БТ-7 ни по тактико-техническим данным, ни по вооружению. Оно, конечно, так и было. Только ребятам не сказали, что немецких механиков-водителей и унтер-офицеров – командиров танков подбирали из технически грамотной молодёжи и готовили не менее года и что в их умелых руках устаревшая к тому времени боевая техника представляла собой весьма грозное оружие. А однажды на занятиях по материальной части один из курсантов, невысокий рыжий паренёк из Вологодской области, задал преподавателю вопрос:

– Товарищ военинженер 3-го ранга, а правда, что наш Т-26 – доработанная копия английского танка «Виккерс»?

В классе повисла гнетущая тишина. Преподаватель затравленно оглядел курсантов, оглянувшись на дверь и сдавленным голосом соврал:

– Нет, не правда. Это совершенно новый танк, разработанный выдающимися советскими инженерами и конструкторами.

Больше того курсанта никто и никогда не видел в училище.

Совсем было плохо с преподаванием уставов РККА. Если Устав караульной службы был прост и понятен, то Временный устав тыла, Временный полевой устав, Боевой устав механизированных и моторизованных войск, Устав внутренней службы курсанты усваивали с трудом. А когда в 1938 году приказом Народного комиссара обороны был введён новый Боевой устав

бронетанковых войск, его вовремя не доставили в училище. Но в экзаменационные билеты были включены нормы нового Устава, который курсанты в глаза не видели, и никто их о нём не информировал. Казус замяли, выгнав со службы, а затем арестовав за вредительство начальника учебной части училища.

Быт в училище поддерживался аскетический. Переполненные казармы, душные летом, сырые и холодные с осени по весну, облупившаяся краска стен, давно не белённый потолок, зашарпанные туалеты и умывальные комнаты. Холодные байковые одеяла никогда не согревали. Мыло в стране оставалось дефицитным продуктом, поэтому курсантам выдавали на месяц по мизерному кусочку хозяйственного, которым ты и помыться был должен и бельё выстирать. Экономии на форме и обуви. Хлопчатобумажные гимнастёрку и штаны должны были менять в конце сентября на полушерстяные, но из-за нехватки в тёплое обмундировывали только второй курс, первогодки мёрзли. Вместо положенных яловых сапог все курсанты два года носили кирзовые, а про тёплые байковые портянки тыловики часто забывали. Совершенно не согревали в холодные и ветреные ленинградские зимы остроконечные шлемы-будёновки. Зимние шапки по уставу в состав формы не входили. Конечно, Алексею было куда легче. Мать снабжала его всем, чем могла: шерстяными носками и подшлемником, тёплым нижним бельём, мылом, зубным порошком, гуталином, носовыми платками, бритвенными принадлежностями, одеколоном, вазелином для рук... Он делился с курсантами, а иногда и с преподавателями.

Осенью и зимой тридцать седьмого училище накрыла волна арестов. Сотрудники особого отдела Ленинградского военного округа хватили вначале тех преподавателей-военных, кто ранее служил с уже арестованными Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Корком, Эйдеманом, Путной, Примаковым...

В тридцать восьмом году стали исчезать молодые преподаватели и инструкторы. Учебный процесс затрещал по швам, образовавшиеся лакуны в учебном плане спешно латались политзанятиями и строевой подготовкой. К весне тридцать девятого специальные военные и технические дисциплины преподавать стало некому. И тогда где-то там, наверху, приняли соломоново решение: коли нельзя из курсантов подготовить воентехников, выпускной курс будут готовить командирами танковых взводов. Алексею это было только на руку. Ему вовсе не хотелось носить звание воентехник 2-го ранга. То ли дело – «лейтенант бронетанковых войск».

Как бы то ни было, их курс дотянули до выпуска, и в июне тридцать девятого Алексей Гордеев стал лейтенантом. В новенькой форме – стального цвета коверкотовая гимнастёрка с отложным воротником и чёрными петлицами с золотистым танком и двумя рубиновыми кубиками на них, суконные бриджи, фуражка с черным бархатным околышем и хромовые сапоги – он предстал перед матерью.

Анастасия Петровна с радостным волнением оглядела сына и усадила его за праздничный стол.

– Лёшенька, на тебе форма как влитая сидит! Очень тебе идёт. – Она наполнила его тарелку закусками и, минуту помолчав, спросила: – Что дальше? Куда пошлют служить?

– Меня, мама, в училище оставляют на преподавательскую работу. Кадров-то совсем нет. Но мне очень не хочется, лучше бы в войска.

Мать понимающе взглянула на сына, но промолчала.

5

В родном училище лейтенант Гордеев прослужил пять месяцев, преподавал матчасть Т-26, занимался с курсантами стрелковой и строевой подготовкой. В декабре его отправили на Советско-финский фронт, в отдельный танковый батальон стрелковой дивизии, где он принял под свою команду взвод из четырёх танков Т-26.

Все те чудеса, с которыми Алексей сталкивался в училище, здесь, на фронте, ему показались цветочками. Ягодки раскрылись в глубоких карельских снегах при сорокаградусном морозе. Те его подозрения о состоянии Вооружённых сил страны, возникшие и окрепшие в училище, оправдались: армия к современной войне, особенно в суровых северных условиях, была не готова. И не только потому, что не хватало зимней одежды и обуви, мыла и продуктов питания, вследствие чего лазареты и фронтовые госпитали были забиты десятками тысяч обмороженных, истощённых голодом и поражённых дизентерией бойцов. Главная причина крылась в эпидемии страха, поразившей весь командный состав. Страх был порождением страшных ежовских, а затем бериевских репрессий, оставивших Красную армию без кадровых командиров. Следствием страха стали безынициативность командования, нежелание командиров брать на себя ответственность, боязнь оступиться, сделать ошибку. В войска командирами полков, бригад и дивизий пришла молодёжь, недавно командовавшая ротами, не имевшая достаточных оперативно-тактических знаний и практики, не понимавшая важнейшей роли разведки и связи, не обученная взаимодействию видов и родов войск в конкретных боевых условиях. Пехота, утопая по грудь в снегу, шла в атаку густыми цепями на врага без достаточной артиллерийской и миномётной поддержки, зачастую по минным полям, не разведанным и не очищенным сапёрами.

Расформированные танковые и механизированные корпуса, представлявшие собой главную ударную силу армии, броневой таран для прорыва вражеской обороны, реорганизовали в отдельные бронетанковые бригады, приданные стрелковым корпусам, и танковые батальоны в стрелковых дивизиях. Таким способом бронетехнику размазали, превратив её в средство поддержки пехоты.

Плохо работали тыловые службы. Танки и бронеавтомобили, оставленные без горючего, становились отличными мишенями для финских артиллеристов. Зачастую экипажи танков целых батальонов, не получив горючего, бросали технику и бежали в тыл, боясь оказаться в финском плену. Финны заправляли наши танки горючим, рисовали на их бортах кресты и, спешно подготовив экипажи, отправляли их в бой с советскими частями.

Гордееву с начальством повезло. Батальоном командовал капитан Еремеев, вернувшийся из Испании и успевший поучаствовать в так называемом «освободительном походе» в Западной Белоруссии. Принял он молодого командира в штабе батальона, разместившемся в охотничьем домике, который принадлежал какому-то финскому богачу. Домик располагался у кромки густого ельника, верхушки которого украшали голубоватые шапки снега. Рядом проходила важная дорога Хейниок-Муолаа. Комбат, укрытый овчинным тулупом поверх шинели, выслушал рапорт прибывшего лейтенанта, оглядел его снизу доверху, принял документы.

– Кадровый? – спросил простуженным голосом.

– Никак нет, товарищ капитан, выпускник училища, полгода прослужил там преподавателем.

– А выправка кадрового командира. Молодец. Собственно говоря, ты уже кадровый. Присаживайся, – комбат указал место на приставной скамье. – Примешь второй взвод первой роты. Прежний командир отморозил ноги, в госпитале нынче. Т-26 знаешь?

– Так точно, на них и учили.

– Это хорошо. Только имей, брат, в виду, не учили вас в такой мороз технику обслуживать. Придётся заново всему учиться. – Он встал, потёр застывшие руки, прошёлся по комнате. – Экипажи в твоём взводе слабые, особенно механики-водители. Чёрт знает, откуда их набрали! Пока дивизия стоит, займись ими, подучи, погоняй, обкатай их. Двигатели держи прогретыми. Проверь с помпотехом роты ходовые, густо смазку не кладите, на морозе только хуже будет. Когда дивизия двинется вперёд, крути головой на триста шестьдесят градусов, держи дистанцию между машинами, не горячись, вперёд не лезь, но и не отставай. На брехню пехотных командиров внимания не обращай, у тебя есть командир роты, кстати, толковый командир, и я, твой комбат. Всех посылай к нам, но ни в коем случае не на... Ну, сам знаешь куда.

Комбат порылся в каком-то ящике, извлёк оттуда новенький чёрной кожи танковый шлемофон на овечьем меху, сунул в руки Гордеева.

– На, лейтенант, носи, в нём не замёрзнешь. Успеха тебе.

Представившись ротному, Гордеев пошёл знакомиться с экипажами. Танки стояли в лесу, замаскированные еловыми лапами. Их броня была покрыта крепким инеем. Гордеев приложил руку к корме одного танка, другого, третьего... Машины, видимо, давно стояли холодными. Найдя свой взвод в большой тёплой землянке, он представился и приказал экипажам построиться у машин. Бойцы нехотя натягивали ватники и шлемофоны, обували валенки, тихо переругивались, не желая покидать землянку с горячо натопленной буржуйкой. Сержант-сверхсрочник Гуляев, командир первого экипажа и по должности – помкомвзвода, невысокий крепыш с конопатым лицом и приплюснутым носом боксёра, подровнял строй и строго по уставу доложил о построенном взводе.

Гордеев, уже привыкший в училище командовать курсантами, понимал, выливать свой гнев на бойцов за неготовую к походу технику бессмысленно. Бойца нужно озадачить, поставить перед ними цель, определить средства её достижения и сроки исполнения.

– Взвод, – с растяжкой возвысил он голос, – слушай приказ! Механикам-водителям запустить двигатели и прогревать их два часа. До отбоя прогрев повторять трижды. В ночное время прогрев провести дважды. Ночью механикам-водителям меняться с командирами экипажей. Во время прогрева проверить нормативное натяжение гусениц и работу фар. Стрелкам-наводчикам с командирами экипажей до ужина сухой ветошью обтереть внутри машины орудия, пулемёты и снаряды в боеукладке от конденсата, фланелью протереть прицельные приборы, проверить смазку поворотных механизмов, наличие пулемётных магазинов и ручных гранат в гранатных сумках. Контроль исполнения приказа возлагаю на сержанта Гуляева. О выполненных работах доложить мне в восемнадцать тридцать.

Вечером Алексей выслушал доклад сержанта Гуляева, вместе с помпотехом роты осмотрел машины, согласовал перечень регламентных работ там, где это требовалось, доложил командиру роты, в наскоро сколоченном сарае-столовой поужинал, кое-как помылся и, до смерти уставший, свалился на топчан в хорошо натопленной командирской землянке. Сон одолел его сразу.

6

Несколько дней подряд второй взвод под удивлёнными взглядами танкистов роты чистил орудия, приводил в порядок ходовую часть, прогревал двигатели, гонял машины по проторённой тракторами в снегу лесной дороге, преодолевал небольшие канавы и уложенные ветровало́м ели. На совещании в штабе батальона комбат похвалил Гордеева, упрекнув командиров рот и взводов в лени и безынициативности.

Перед католическим Рождеством дивизия начала движение в направлении Вииппури (ныне Выборг). Пехота, поддерживаемая огнём танковых пушек, шаг за шагом занимала хутора. Но у одного хутора, за околицей которого протекала неширокая, метров в двадцать, но глубокая, полноводная, незамёрзшая речка, финны сражались упорно и сдавать позиции не собирались, пресекая все атаки нашей пехоты плотным миномётным огнём. Вскоре выяснилось, защищали они не хутор, а каменный мост через реку, бывший единственной связующей нитью между финскими пехотинцами и миномётчиками и их тылом. Через мост финнам доставлялись боеприпасы и продовольствие, в тыл уходили запряжённые сани с ранеными.

Ярким декабрьским утром, по глубокому хрустящему снегу наша пехота вновь атаковала хутор. Танки своим огнём уничтожали пулемётные гнёзда финнов; миномётчики пытались нащупать миномётные позиции врага. Гордеев, взвод которого расположился позади пехоты и метрах в трёхстах от моста, не мог понять, отчего командир стрелкового полка до сих пор не выслал к мосту разведку и сапёров.

Позади, на укатанной дороге, затарахтел бронеавтомобиль, подкатил к гордеевскому командирскому танку. Из машины выбралась группа командиров в белых овчинных тулупах. Гордеев открыл люк, выбрался на броню. Один из командиров махнул ему рукой, требуя подойти. Гордеев подбежал и, вскинув руку к шлемофону, доложил:

– Командир второго взвода лейтенант Гордеев.

– Где ваш комбат, лейтенант? – строго спросил один из командиров. – Я командир дивизии. Комбата ко мне.

Гордеев немедленно достал из подсумка два флажка и просигналил ими приказ комдива. Вскоре подошёл командир танкового батальона, и комдив начал импровизированное совещание. Гордеев стоял неподалёку и всё слышал.

Комдив был раздражён топтанием стрелкового полка на месте, отчего вся дивизия не могла продолжать наступление.

– Почему до сих пор не взяты этот чёртов хутор и мост? – резко спросил комдив.

Командир стрелкового полка, неуклюже переминаясь ногами в снегу, неуверенно ответил:

– Так ведь, товарищ комдив, как без дивизионной артиллерии? Финны вон как миномётами шпарят!

В подтверждение его слов серия мин накрыла залёгшую в снегу пехоту.

– А твоя полковая артиллерия где?! – вскричал комдив. – А твои миномётчики, ядрёна мать, чем занимаются?!

К комдиву придвинулся один из командиров, прибывших вместе с ним, и тихо, чтобы никто не слышал, проговорил:

– Батарея полковых орудий застряла в снегу верстах в семи отсюда, товарищ комдив. Пока мы их будем вытаскивать, пока сюда доберутся, пристреляются, ночь настанет. До утра мост не возьмём, командарм с нас живьём шкуру снимет.

Комдив выпрямился и, взглянув на ручные часы, объявил своё решение:

– Сейчас десять двадцать семь. Хутор и мост взять скоординированной атакой пехоты и танков к тринадцати часам. Полк атакует хутор двумя батальонами. Танковый батальон, имея в своём тылу третий батальон стрелкового полка, атакует и захватывает мост. Вопросы есть?

– Есть вопрос, товарищ комдив, – вышел вперёд комбат Еремеев. – Как прикажете атаковать мост танками без предварительной разведки и сапёрного обеспечения? Ведь предмостная территория наверняка заминирована. Думаю, и мост тоже.

Комдив ткнул указательным пальцем в сторону командира стрелкового полка.

– Это к тебе вопросы, подполковник. Почему до сих пор не проведена разведка?

Комполка шмыгнул носом, переступил ногами, злобно взглянул на капитана Еремеева.

– Так как я по чистому снежному полю разведку пошлю? – взмолился комполка. – Финны ведь всех положат.

– А ночью почему не разведали? Дрыхли без задних ног? – гремел комдив. – Всё! Приказ исполнить любым путём. С разведкой, сапёрами или без них, – меня не касается. Не исполните приказа, пойдёте под трибунал. А ты, танкист, пойдёшь паровозом.

Когда броневик с командирами укатил, оставив после себя едкий дымок выхлопных газов, комбат собрал ротных и взводных.

– Приказ есть приказ. Мост надо брать. Вторая и третья роты атакуют мост полукругом, первая огнём поддерживает пехоту. Взвод Гордеева остаётся в батальонном резерве и действует согласно моим указаниям. Стрелковый батальон пойдёт за нами.

Гордеев увёл свои танки к лесу. Забравшись на ель, он достал бинокль и стал наблюдать. Алексей трижды перечитывал «Войну и мир» Льва Толстого и всегда восхищался описанием батальных сцен, созданных мастером, как будто тот находился одновременно и в гуще самих событий, и наблюдал их со стороны. Гордеев осмыслил, что он является свидетелем маленькой военной трагедии, разразившейся в холодных финских снегах по непонятной ему прихоти кремлёвских вождей, из-за тупости и упрямства командира дивизии, бездарности командира полка и обречённости командира танкового батальона.

Тридцать четыре танка Т-26 второй и третьей рот, утопая по башню в снегу, выстроились вогнутым полукругом, медленно поползли в сторону моста, посылая в снежное безлюдье снаряд за снарядом. За ними не спеша тремя цепями пошла пехота. Когда до моста оставалось метров пятьдесят, раздался оглушительный взрыв. Идущий впереди танк взлетел в воздух метров на пять, перевернулся и рухнул на башню. Загорелся он не сразу, через несколько секунд, когда бензин из разбитых баков хлынул на ещё работавший двигатель. Экипаж сгорел, будучи уже мёртвым. Вскоре на mine подорвались второй танк, затем танк командира взвода и ещё три танка. Командиры рот высунулись из люков, стали флажками подавать команды остановиться и задним ходом уходить назад. Оба тут же погибли, сражённые финскими снайперами.

На поле перед мостом началась толчея. Перепуганные механики-водители, словно слепые котят, стали в панике метаться. Два танка столкнулись друг с другом и потеряли ход; их экипажи выскочили из машин и тут же легли под пулями финских снайперов. Ещё две машины, медленно пятившиеся назад, одна за другой взлетели на воздух. Сдетонировавший боезапас разнёс их в клочья.

Чёрным едким дымом заволокло всю округу. Мост и финские позиции стали невидимыми. Шедшие позади танки остановились. Взводные по радиации запросили комбата: что делать? Но ответа не дождались. Финны не позволили. С флангов они ударили из противотанковых ружей. Их тяжёлые ПТРы Л-39 отечественного производства и швейцарские «Солотурны» бронебойными 20-мм пулями превращали пятнадцатимиллиметровую броню Т-26 в решето. Загорелись ещё шесть танков. Оставшиеся восемнадцать огнём орудий и пулемётов отогнали гранатомётчиков. Но надолго ли?

Гордеев, сидел на еловом суку и вытирал рукавом ватника катившиеся от обиды и бес-
силия слёзы. Он понимал всю безысходность положения. Мост им не взять. Танки нужно было
выводить с минного поля, подобрать раненых и погибших. Его окликнули снизу:

– Лейтенанта Гордеева к комбату!

Гордеев не узнал капитана Еремеева. Тридцатилетний крепыш за неполный час превра-
тился в старика: пепельный цвет лица, глаза, провалившиеся будто в чёрные дыры, трясущи-
еся руки...

– Лёша, – прохрипел комбат, – ты видел, где танки обошли мины? Ты сможешь пройти
по этому пути?

– Так точно, товарищ капитан, смогу.

– Давай на своём командирском иди туда, выведи, брат, их с мин. Не приказываю, прошу.

– Сделаем, товарищ капитан, будьте уверены. – Гордеев вскинул руку к шлемофону и
тут же побежал исполнять приказ.

Он посадил за рычаги своего танка сержанта Гуляева.

– Пойдём, Ваня, тихо-тихо. Слушай мои команды, самостоятельность не допускай. Возь-
мём, сколько можно, раненых и живых в машину. Мёртвых закрепим на броне. Обрато пойдю
пешком, ты поедешь за мной и поведёшь остальных за собой. Заводи!

Гордеев провёл танк точно по следам машин, под прикрытием дыма от горевших танков
добрался до скученных, словно в стадо машин, передал приказ отступить, собрав раненых и
погибших. Подошедшая пехота ружейно-пулемётным огнём отсекала попытки финских бро-
небойщиков возобновить обстрел танков. Часа через полтора командир стрелкового полка и
капитан Еремеев встретили у кромки леса бредущего по глубокому снегу лейтенанта Гордеева
и ползущую за ним колонну из шестнадцати танков.

– Товарищи капитан, – с трудом переводя дыхание, доложил Гордеев, – ваш приказ
выполнен.

Через два дня дивизионная и корпусная артиллерия превратила злополучный мост в
груды щебня, а заодно сравняла с землёй и снегом хутор. Сапёры навели три переправы, и
дивизия устремилась к Вииппури.

7

После нового года Отдельный танковый батальон, в котором воевал Гордеев, расформировали, а личный состав и оставшуюся технику передали в 35-ю лёгкотанковую бригаду 7-й армии.

Особисты арестовали комбата капитана Еремеева, командиров стрелкового полка и стрелковой дивизии. На допросы в особый отдел дивизии вызывали всех оставшихся в живых командиров рот и взводов. Гордеева допрашивали трижды, требуя дать показания против капитана Еремеева. Алексей прикидывался «солдафоном», матёрым служакой, упорно твердя:

– Не могу знать... Исполнял приказы... Не видел... Не слышал... Не присутствовал...

Он, видимо, надоел следователям, и от него отвязались. Вскоре в бригаду приехал командующий армией командарм 2-го ранга Кирилл Афанасьевич Мерецков и на общем построении личного состава вручил государственные награды бойцам и командирам. Лейтенант Гордеев был награждён медалью «За боевые заслуги».

В конце января начальник особого отдела бригады довёл до сведения танкистов постановление трибунала фронта, которым приговаривались к расстрелу несколько высокопоставленных командиров, в том числе бывший командир их стрелковой дивизии и командир стрелкового полка. Капитан Еремеев в списке не значился. Но больше о нём Гордеев никогда не слышал.

В феврале сорокового года 35-я танковая бригада приняла участие в прорыве обороны линии Маннергейма. Танки бригады побатальонно были приданы 100, 113 и 123 стрелковым дивизиям.

В полосе наступления дивизий финны решили нанести контрудар с целью если не сорвать, то хотя бы замедлить наступление советских войск. Удар наносила 23-я финская пехотная дивизия при поддержке 4-й танковой роты в составе 13 лёгких танков «Виккерс» и «Рено». Ранним утром 26 февраля финны пошли в атаку. Из-за поломок две машины остановились; к позициям советских войск, расположенным вдоль железнодорожного полотна, вышли шесть танков и напоролись на танки 35-й бригады. Это были отправленные в разведку Т-26 взвода лейтенанта Гордеева.

Вначале Алексей увидел густые облака выхлопных газов, поднимавшиеся из-за заснеженной кромки распадка, услышал натужное рычание двигателей. Затем из низины выполз «Виккерс» с бортовым номером R-648 и остановился, то ли ожидая другие танки, то ли командир экипажа решил осмотреться. Алексей тщательно, не спеша прицелился¹ и послал бронебойный снаряд своей 45-мм пушки в башню финского танка. Было хорошо видно, как снаряд проломил броню, и ударной волной вырвало башенный люк. Оттуда повалил дым. В этот момент ещё один снаряд, пущенный одним из танков взвода Гордеева, угодил «Виккерсу» в корму. Танк вспыхнул. Никто из него не выбирался. Экипаж, видимо, погиб сразу.

Из распадка выползли ещё три финских танка. Один из них с бортовым номером R-655 пересёк железную дорогу и открыл огонь в сторону советской пехоты. Он тут же был подбит танками взвода Гордеева, но не загорелся; его экипаж выбрался на снег и исчез в утренней мгле. Подоспевшие танки 35-й бригады расстреляли два других «Виккерса».

Обойдя по сторонам распадков, советские танкисты не обнаружили финской пехоты, видимо, не рискнувшей наступать. Зато обнаружили ещё четыре вражеских танка, уходивших назад, к лесу. Два «Виккерса» сразу были расстреляны и вспыхнули ярким пламенем. Третий, пытавшийся при отступлении свалить сосну, потерял ход, остановился и был немедленно подожжён. Танк с бортовым номером R-670 потерял гусеницу, замер, развернул башню, уда-

¹ В экипажах советских лёгких танков командир машины выполнял роль наводчика или заряжающего.

рил бронебойными по советским танкам, прикрывая отход экипажей, покинувших горевшие танки. Один бронебойный 37-мм снаряд угодил в лоб танка Гордеева. Машина не загорелась, но осколочные ранения получили все три члена экипажа. Финский танк был немедленно уничтожен.

Гордеева, раненного в бедро и голень левой ноги, аккуратно вытащили из танка, на носилках понесли к санитарным аэросаням. Повстречавшийся комбриг остановил санитаров, ласково похлопал Гордеева по щеке.

– Жив, лейтенант? Вижу, жив. Молодчага. Здорово финнов отделал. Ну, давай, выздоравливай. Жду тебя.

Алексей, превозмогая боль, сделал попытку улыбнуться.

В окружном госпитале хирурги достали из Гордеева семь осколков. Но кости не были задеты, и, по словам хирургов, здоровый молодой организм должен был быстро восстановиться. Мать, просидевшая и проплакавшая под дверью операционной, когда узнала о положительных результатах операции, рассмеялась от радости, перецеловала врачей и медсестёр. Пришедший в себя после наркоза Алексей увидел мать весёлой, бодрой, оптимистичной и, как всегда, очень красивой.

– Лёшенька, радость моя, что так редко писал?

– Мама, так ведь я на фронте три месяца всего был, а писем двенадцать штук отправил, считай по письму в неделю. – Он улыбнулся. – Каждый день писать не мог, поверь.

– Ой! Всего три месяца? – всплеснула руками мать. – А мне они показались вечностью. Я принесла твоё любимое варенье, конфеты, пирожки. Всё здесь, в тумбочке. Выздоровливай. Приходить буду каждый день.

Она и приходила каждый день, принося сыну всякие вкусности. Но однажды не застала его в палате и очень испугалась. Сосед по палате, раненный в шею пехотный капитан, усмехнулся и, подойдя к окну, подозвал Анастасию Петровну:

– Да не переживайте вы так. Вон ваш герой, полюбуйтесь.

По очищенной от снега дорожке госпитального парка (март стоял холодный и снежный) ковылял на костылях Алексей. Рядом в ватнике поверх белого халата и в больших валенках шла невысокого роста девушка, то и дело поправлявшая на нём овчинный командирский полушубок. Анастасия Петровна прижалась лбом к оконному стеклу, долго стояла, улыбаясь чему-то своему, материнскому, не замечая и не вытирая слёз, катившихся по её размякшим щекам.

С Олей, медсестрой госпиталя, Гордеев познакомился недавно, во время перевязки. Он всегда брал с собой в процедурную то конфеты, то печенья, угощал медсестёр. В этот раз он принёс три конфеты «Мишка на севере» ленинградской фабрики имени Крупской, введенной в строй полтора года назад. Натянув штаны после перевязки, он положил конфеты на столик.

– Ой! – радостно вскрикнула Оля. – Это мне?

Алексей улыбнулся и качнул головой.

– Мои любимые! Но где вы их взяли? За ними огромные очереди в магазинах. Спасибо.

– Мама принесла. Я к сладкому равнодушен. Мне бы пирожков с капустой или картошечки с селёдкой.

Оля смешно надула губки.

– Вот, мужчины все одинаковые. Им бы чего остренького.

Её маленькое, почти детское лицо с тонким носом, ямочками на щеках, огромными карими глазами под тонкими дугами тёмных бровей, выпавшая из-под накрахмаленной косынки выходящая прядь каштановых волос, – всё ему нравилось и вызывало в нём какое-то тёплое волнение.

– Ну, вот, товарищ командир, – звенел голос Оли, – завтра в это же время на перевязку. А за конфеты спасибо.

Оле было двадцать. После медучилища она уже год работала в госпитале и училась на втором курсе Ленинградского 1-го медицинского института. Происходила она из семьи потомственных врачей. Её отец, военврач 1-го ранга, профессор, преподавал в Военно-медицинской академии военно-полевую хирургию. Мать работала в поликлинике на Петроградской стороне участковым терапевтом. Оля очень хотела быть хирургом, как её дед и отец. Найдя в Алексее благородного слушателя, она могла часами, свободными от работы, во время ночных дежурств рассказывать ему врачебные случаи из истории военно-полевой хирургии.

Молодые люди понравились друг другу, стали ощущать душевную близость, скучали в короткие разлуки. Оля, словно ангел, заботилась об Алексее. Как-то, улучшив момент, он познакомил с ней маму. Прощаясь с сыном, Анастасия Петровна заговорщически подмигнула и ласково сказала:

– Глядите пристальнее, товарищ лейтенант. Такую девушку упустить нельзя.

8

В конце марта после военно-врачебной комиссии Гордеева выписали из госпиталя. Нога побаливала, но ходить он уже мог свободно и подумывал о начале тренировок в спортзале. Накануне выписки в канцелярии госпиталя он получил приказ о присвоении ему звания старшего лейтенанта и предписание явиться в автобронетанковое управление Ленинградского военного округа.

Алексей был удивлён и, чего говорить, просто обрадован, когда вместо старого обмундирования госпитальный каптёрщик выдал ему с иголки новое, в том числе отличного покроя командирскую шинель. На петлицах алело уже по три кубика. А вот с хромовыми сапогами вышла загвоздка. Никак не удавалось натянуть узкое голенище на левую, туго беребинтованную ногу. Как ни старался, до боли, до слёз, никак не выходило. Алексей в отчаянии попросил каптёрщика позвать Олю. Увидев измученного красавца командира, она звонко расхохоталась. Оля смеялась так откровенно и искренно, что до слёз рассмешила каптёрщика с Алексеем.

– Ну, вот что, товарищ старший лейтенант, – приняла она строгий тон, – сейчас мы сделаем вам новую повязку.

Она открыла принесённую с собой санитарную сумку, достала ножницы, разрежала бинты на его ноге, удалила ватный тампон, компресс, быстро наложила новый и вместо бинта всё заклеила большим пластырем. Полюбовавшись содеянным, она достала из той же сумки пару грубовязанных шерстяных носков и натянула их на ноги Алексея.

– Вот так! – строго сказала она. – И не смей их снимать.

Прижимаясь к красавцу-командиру, она проводила Гордеева до ворот госпиталя, лукавой улыбкой отвечая на завистливые взгляды снующих по двору медсестёр и санитарок.

– Лёшенька, как только узнаешь о своём назначении, немедленно позвони.

– Слушаюсь, товарищ командир! – Алексей театрально вскинул руку к козырьку, потом схватил Олю за талию, поднял и поцеловал.

В штабе автобронетанкового управления округа немолодой подполковник с двумя орденами Красной Звезды вручил Гордееву медаль «За отвагу».

– Поздравляю, товарищ старший лейтенант. Идите в отдел кадров, там решат, куда вас направить.

Майор-кадровик, оторвался от документов, взглянул на Гордеева усталыми глазами, пригласил присесть. Полистав личное дело танкиста, сказал:

– Вы признаны ВВК условно-годным к строевой службе на период до полугода. Потом новое освидетельствование, и после него – окончательное решение. Могу направить вас временно в школу младших командиров автобронетанковых войск на преподавательскую работу.

Майор заметил, как скривились губы Гордеева, усмехнулся и продолжил с лукавинкой:

– Есть другой вариант.

Гордеев напрягся, весь подобрался, вытянулся в сторону кадровика.

– Приказом наркома обороны воссоздаются мехкорпуса, структурно состоящих из двух моторизованных и танковой дивизий. Главным образом в Особом Киевском и создаваемом Особом Западном округах. Дивизии начнут формироваться в июле – августе. Киевское направление нам неподвластно. А вот в Минск, в штаб окружного управления автобронетанковых войск, можем вас порекомендовать. Думаю, боевого офицера они с руками и с ногами сцапают. Тем более, сейчас вы отправитесь в двухмесячный отпуск по ранению. Как раз время и подойдёт. Ну, Гордеев, что выберем?

Гордеев встал, одёрнул китель, вытер платком вспотевший лоб.

– Спасибо, товарищ майор. Конечно, Минск.

Кадровик улыбнулся.

– Садись, сынок. В ногах, особенно раненых, правды нет. Ты вот что, сходи пока в столовую, на тебе талоны, а я тем временем подготовлю документы и сопроводительное письмо. Зайдешь через час. Давай, дуй в столовую.

Алексей спускался по широкой лестнице в столовую, непрестанно отдавая честь старшим командирам. На его лице играла улыбка, и, глядя на него, проходившие мимо и отдававшие ему честь командиры, тоже невольно улыбались.

Столовая была полупуста. Он отдал на кассе талоны, поставил на поднос тарелки с хлебом, борщом, макаронами с котлетой, налил из большого алюминиевого чайника остывший чай. Столик выбрал по старой курсантской привычке в дальнем углу большого зала столовой так, чтобы на виду были все, а он от всех вдалеке. Ел не спеша, но вкуса пищи не чувствовал, отвлекали бурей нахлынувшие мысли. «Спасибо майору. Классный мужик. Было бы здорово, если в новую дивизию начнут поступать новые тяжёлые КВ и средние Т-34. Силища! Не чета нашим старушкам Т-26, БТ-5 и БТ-7. Интересно, куда пошлют служить? Здорово, если на границу. Интересно, дадут роту или опять взводным буду?»

Алексей маленькими глотками пил чай и думал: «А как быть с Олей? Непременно в отпуске сделаю ей предложение. Потом уеду, обустроюсь, вызову её и поженимся. А как же быть с её учёбой? Ей ведь ещё три курса. Но ведь в Минске, или ещё каком областном центре Белоруссии, наверняка есть мединституты. Вот туда и переведётся. Но жить обязательно будем вместе. Это решено». Почесав затылок, он засомневался. «Кем решено-то? Только мною. А если Оля не захочет переводиться из родного института? Вот, Гордеев, то-то и оно. Не всё так просто».

Он остро почувствовал на себе чей-то взгляд. Неподалёку в одиночестве обедал высокий молодой человек в форме НКВД, внимательно поглядывавший в сторону Гордеева. Человек встал, убрал со стола поднос с грязной посудой и, подойдя, скрипучим низким голосом спросил:

– Гордеев? Алексей Гордеев?

Алексей сразу узнал его. Конечно, это был тот самый чекист, с которым три года назад Надя пришла к Дворцу культуры имени Кирова. Тот же прокуренный голос, те же холодные, стеклянные глаза и огромные кулачища. Только лицо постарело: кожа стала какой-то задубелой, под глазами образовались синеватые мешки, а на лбу и у висков – морщины. Только количество алых кубарей на краповых петлицах не прибавилось. Так и осталось по три.

Настроение сразу испортилось. Алексей встал, одёрнул новенький китель. С трудом сдерживая неприязнь, спросил:

– По какому поводу имею честь общаться с товарищем младшим лейтенантом госбезопасности?

– Да не по какому, – криво усмехнулся чекист, – так, думаю, узнаю, Гордеев ли это. Служу я здесь, в особом отделе управления. А ты, я гляжу, уже старший лейтенант. И вся грудь в наградах.

Он с трудом скрываемой завистью рассматривал гордеевские медали.

– За финскую?

– За неё. Ранен был. После госпиталя пришёл за назначением. – Алексей направился к выходу.

– Понятно. А Надьку-то арестовали в тридцать восьмом. Вместе с отцом и целой кучей её дружков.

Тон Ламзина был мерзкий. Будто речь шла о какой-то гопнице с Лиговки, а не о девушке, которой когда-то нравился этот ублюдок. Алексей отвернулся и, не прощаясь, стал подниматься по лестнице. Чекист бросил ему в спину:

– А Надька на допросах не выдала, что валандалась с тобой. И что твою мать знала. Берегла, видать, вас.

Алексей не обернулся, злой, со сжатыми кулаками, быстро поднимался по лестнице. «Сволочь, поддонок, – думал он. – Ведь сам, наверное, и пытал её, гад».

Получив в отделе кадров документы, а в кассе около четырёх тысяч рублей денежного содержания за четыре месяца (по тем временам огромные деньги), Алексей заехал на Садовую заказать столик в «Метрополе» на вечер. Увидев огромную очередь от центрального входа и завернувшую за угол, в переулок Крылова, он растерялся, но очередь занял. Дело было в том, что все заведения общепита кроме столовых, открывались в полдень. Если заранее не побеспокоиться, вечером на входной двери тебя ждала табличка «Мест нет». Тогда, кому было невтерпёж поужинать и потанцевать, приходилось приложить к ладони купюру – рубль, трёшку, а то и пятерку – и припечатать на стекло, показывая швейцару доказательство твоей потенциальной благодарности. Поэтому место «стража дверей» считалось «тёплым», «хлебным» и занимали её люди проверенные, в основном отставные милиционеры и чекисты.

Алексю повезло. Из центральных дверей вышел один из таких стражей, немолодой, высокий, крепкий, прошёлся вдоль очереди, решив, видимо, оценить свой возможный вечерний куш. Заметив командира с государственными наградами под расстегнутой шинелью, он подошёл и за руку вывел его из очереди.

– Пойдёмте, товарищ старший лейтенант, нечего вам тут делать, – пробасил швейцар.

Он провёл Гордеева в фойе ресторана, мягко подтолкнул к администратору, бросив, словно приказал:

– Героев обслуживаем без очереди.

Это был прекрасный вечер. Возможно, самый лучший вечер в пока ещё короткой жизни Гордеева. И не потому, что расторопный и весёлый официант резво метал на стол разнообразные закуски, мастерски наливал в бокалы шампанское, торжественно раскладывал по тарелкам горячее, отчего глаза Анастасии Петровны и Ольги выражали удивление, растерянность и даже некоторый испуг. И не от общего антуража огромного зала самого престижного в Ленинграде ресторана с позолоченной лепниной, дорогими велюровыми шторами, с белоснежными, накрахмаленными до хруста скатертями и салфетками, с блестящими тяжёлыми приборами хромо-никелевой стали... Конечно, всё это, а также хорошая живая музыка, тот особый, приглушённый, нераздражающий гул множества голосов, лёгкий звон посуды, создавали атмосферу праздника, причастности к иной, неповседневной жизни простых советских граждан.

Но для Алексея главное было в другом: он находился в компании двух очаровательных женщин – матери и Ольги. Он видел и чувствовал их радостное настроение, любовался их разгумянившимися лицами. Он был счастлив.

В тот вечер много танцевали. Анастасия Петровна, выглядевшая на десять лет моложе, была нарасхват. Мужчины то и дело подходили к их столику и просили у Алексея разрешения на танец с нею. С Ольгой танцевал только он. И во время одного из танцев сказал то, что стеснялся вымолвить за столом, при матери:

– Оленька, я люблю тебя. Выходи за меня замуж.

Ольга снизу вверх поглядела на него испытывающе, серьёзно и также серьёзно ответила:

– Обсудим это, товарищ старший лейтенант.

Вернувшись за стол, Оля объявила:

– Анастасия Петровна, товарищ старший лейтенант только что сделал мне предложение. Гордеева улыбнулась, окинула лукавым взглядом молодых.

– И что же ты ответила товарищу старшему лейтенанту? – спросила она.

Оля положила свою руку на руку Алексея.

– Я согласна.

Мать положила на их руки свою.

– Я вас благословляю. Будьте счастливы.

9

Спустя три дня Оля познакомила Алексея со своими родителями. Молодой человек им понравился, и его вместе с Анастасией Петровной пригласили в ближайшую субботу на дачу в Комарово.

Апрельский день выдался солнечным, но было ещё прохладно. По ночам морозец сковывал лужи, на ветвях голых деревьев густо выпал иней. В саду синицы доедали прошлогодние ягоды черноплодной рябины, а стайки воробьёв, радуясь ясному погожему дню, весело чирикали и копошились в неубранных осенью кучках сухих листьев.

В хорошо натопленном дачном доме военврача 1-го ранга Кузнецова собрался семейный совет. Родители Ольги тоже благословили молодых на совместную счастливую жизнь, но Иван Фёдорович так сформулировал родительское решение, хотя и назвал его всего лишь советом:

– Вы ещё очень молоды. Ольге необходимо завершить учёбу здесь, в Ленинграде. В вузах Белоруссии пока нет сильной медицинской школы. Алексей отправится к новому, пока ещё неизвестному месту службы. Ему потребуется какое-то время для вхождения в новые условия, для обустройства. Будем надеяться, что войны долго не будет, руководство партии и правительства работают над этим неустанно. Алексей будет приезжать в отпуск к нам, а Оля на каникулах к нему. Время быстро пролетит. Такой вот вам наш родительский совет.

Анастасии Петровне ничего не оставалось, как только поддержать эту позицию, отчего молодёжь сделала кислые мины. Людмила Аркадьевна, мать Оли, увидев набухшие глаза дочери, произвела тактический манёвр.

– Будем считать, что сегодня состоялась помолвка наших молодых, – заявила она с оптимизмом и подняла бокал. – Выпьем же за молодых!

На том и решили. Оля оставалась в Ленинграде, Алексей уезжал к месту службы.

Оставшуюся часть отпуска Гордеев провёл в спортзале, в массажном кабинете госпиталя, в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, на концертах симфонической музыки в Филармонии. Они с Олей часто ходили в кино, гуляли в зоопарке, ездили в Пушкин, Петергоф, Гатчину, Ломоносов. На время он освободил мать от хозяйственных обязанностей: ходил за продуктами в магазины и на рынок, готовил еду, мыл посуду, прибирал квартиру, стирал бельё. Трудился, как говорится, не покладая рук, а про себя бурчал: «Такому мужу цены нет. И швец, и жнец, и на дуде игрец. А ему всё бубнят: “Молод ещё. Рановато жениться”. Так до старости в холостяках и прокукарекаешь».

В конце июня с Варшавского вокзала поезд унёс Гордеева в Минск. В вагонах ехал в основном военный люд. Все друг с другом знакомились, старшие командиры отправлялись в вагон-ресторан, младшие доставали нехитрую снедь, наливали в стаканы коньяк, водку, вино (что у кого было), пили, закусывали, пели под гитару, много говорили, но никогда о войне. Запрет на эту тему, наложенный политорганами и особыми отделами, старались соблюдать. Понимали, всегда найдётся «доброжелатель», и тогда в лучшем случае грозит разжалование, в худшем – трибунал и лагеря.

Кадровики управления автобронетанковых войск Западного особого военного округа встретили Гордеева приветливо. Принимавший его подполковник весело и бесхитростно заявил:

– Давай, Гордеев, я тебя оставляю в штабе управления. Нам боевые офицеры нужны. Годик послужишь, мы тебя в академию отправим. А там, глядишь, скоро майором станешь, батальон получишь. Ну, как, по рукам?

Перспектива была, безусловно, заманчивая. Алексей заколебался, призадумался. В этот момент с шумом отворилась дверь, в кабинет, гроыхая сапогами, ввалился крепко сбитый

подполковник-танкист в новом мундире с двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «XX лет РККА». Не здороваясь, он громовым голосом спросил кадровика:

– Документы для нас есть?

– Есть, товарищ подполковник, для вас всегда есть, – с усмешкой ответил кадровик, передавая танкисту толстый пакет.

Танкист расписался в журнале и, засовывая пакет в большой кожаный портфель, искоса взглянул на Гордеева.

– Кто такой? – непонятно кому адресовал он свой вопрос.

С минуту все молчали. Танкист на градус повысил тон:

– Я ясно спросил: чьих будет?

Было видно, кадровик не хотел раскрывать карты. Но грубоватый и настойчивый подполковник-танкист, видимо, здесь имел авторитет, и кадровик сдался.

– Старший лейтенант Гордеев, прибыл в наше распоряжение из Ленинградского военного округа.

Подполковник-танкист безапелляционно ткнул Алексея пальцем в грудь и словно прорычал:

– За что награды?

– За финскую, товарищ подполковник, – бодрым командным голосом ответил Гордеев.

Танкист повернулся к кадровику, коротко бросил:

– Беру. Давай документы.

Кадровик собрал документы Гордеева в один пакет и, пока танкист расписывался за них в журнале, спросил:

– Товарищ подполковник, а вы мнение молодого командира не желаете услышать? Возможно, он захочет служить в другом месте.

– Не желаю. Будь здоров.

Он взял портфель с документами и, подтолкнув Гордеева к двери, буркнул:

– Пошли.

Опешивший Гордеев, словно бычок на поводу, безмолвно вышел за подполковником на улицу. Яркое солнце ударило в глаза, осветило подполковника, и Алексей увидел, что перед ним вовсе не дремучий грубиян-солдафон, а вполне интеллигентный человек с умными, чуть ироничными глазами, большим чистым лбом, какие бывают у университетских профессоров.

– Честь имею представиться, – мягким баритоном произнёс танкист и вскинул руку к козырьку фуражки, – подполковник Зайцев Иван Иванович, начальник штаба 29-й танковой бригады. Вам представляться не надо, я успел заглянуть краем глаза в ваше личное дело.

Подполковник закурил и предложил немного пройтись.

– Вы, Гордеев, на меня не обижайтесь. Нечего вам, боевому офицеру, смолodu торчать в высоких штабах. Уму-разуму там не научат, командного опыта не приобретёте, новой техники руками не пощупаете. Вы уже знаете, идёт формирование новых механизированных корпусов. Наша бригада – основа для формирования танковой дивизии. Вот и поучаствуйте в новом, интересном деле. Дадим вам роту для начала. Обучите её, а там, глядишь, и батальон не за горами. По рукам?

Алексей оттаял, улыбнулся, крепко пожал протянутую руку.

– Вы один, без жены?

– Пока да.

– Ну и ладно. Тогда пошли, перекусим – и в дорогу. До Бреста путь неблизкий, триста пятьдесят вёрст без малого.

Они подошли к припаркованной у здания управления чёрной ГАЗ М-1, любовно именуемой «эмкой», забрали с собой водителя, спортивного вида сержанта-сверхсрочника, и направились в ведомственную столовую.

10

Погода стояла жаркая. Солнце трудилось вовсю, сжигало оставшуюся нескошенную траву, заворачивало трубочкой листву на деревьях и кустарниках, превращало почти что в порох мхи на лесных прогалинах. Чуть голубоватое небо было высоким и прозрачным. В его высях нередко появлялись ястребы и огромные коршуны, нарезавшие большие круги, высматривая на полях и лугах свою жертву. Грациозные аисты, захватившие придорожные вётылы, столбы, кровли водонапорных башен и все мало-мальски одиноко торчавшие возвышенности, сторожили свой молодняк в гнёздах, по-хозяйски оглядывая округу.

Когда миновали Неман и пересекли старую государственную границу СССР с Польшей, шоссе Минск – Брест стало получше. Началась Западная Белоруссия, в сентябре прошлого, тридцать девятого года, присоединённая к СССР. Подполковник Зайцев, устроившись на заднем сиденье, сразу за Минском уснул и сейчас сладко похрапывал, вызывая улыбки Алексея и водителя. Гордеев с жадным интересом рассматривал бывшие польские земли, примечал многое ему незнакомое. Бесконечно тянулись сосновые боры, изредка перемежавшиеся берёзовыми рощами, зарослями орешника, шиповника и ежевики, узкими участками золотистых ржаных и жёлтых рапсовых полей, лугами сеяных трав. В лесу нигде не увидишь сухостоя и валежника, хворост повсеместно убран.

Стали попадаться скрытые садами хутора. Крыши изб и хозяйственных построек повсеместно были крыты соломой, реже дранкой, и уж совсем редко крашеным металлом. В глаза бросались бедность и одновременно какая-то незнакомая советскому взгляду ухоженность, чистота дорожек, прибранность подъездных путей и пешеходных тропинок. На всех хуторах из труб поднимались узкие столбы дыма. «Странно, – подумал Алексей, – неужели в такую жару печи топят?» Как будто услышав его мысли, водитель, сержант Батрак, сказал ухмыляясь:

– Бимбер гонят, да хлеб пекут.

– А что такое бимбер? – спросил Алексей.

Водитель с удивлением взглянул на Гордеева.

– Так это ж ихний самогон такой, товарищ старший лейтенант, крепкий до чёрта. Кто из свеклы гонит, кто из картошки, из зерна, а кто побогаче – из сахара. Неужели не пробовали?

Алексей, смутившись, промолчал.

Нельзя сказать, что шоссе жило активной жизнью. В оба направления двигался в основном армейский транспорт: гружёные или с людьми ЗИСы и ГАЗы, мастерские, цистерны. Встречались шедшие в сторону запада дивизионы 122- и 152-мм гаубиц, сапёрные и понтонно-мостовые батальоны, фургоны медслужбы с большими красными крестами на брезентовых боках. Мелькали, сверкая чёрным лаком и требовательно сигналив, легковые автомашины армейского командного состава, НКВД, партийных, советских и хозяйственных работников. Изредка проходили переполненные, с настежь открытыми окнами рейсовые автобусы отечественной и польской марок. Основой же шоссейной жизни были многочисленные и разнообразные телеги, повозки, возы, груженные сеном, прошлогодней соломой, пиломатериалами, дровами, хворостом, армейские фуры и полевые кухни. Вся эта гужевая братия двигалась неспешно, занимала правую сторону шоссе, жалась к обочине, а зачастую и шла по обочине, поднимая огромные облака густой пыли.

Часам к семи вечера, когда злое июльское солнце легло отдыхать в западных просторах сосновых боров, въехали в Барановичи. Двадцатисемитысячный городок, половину населения которого составляли евреи, утопал в садах, густых зарослях сирени, боярышника, шиповника и чубушника, был окутан запахами цветов, жареного мяса, печёного хлеба и кофе. Повсюду попадались шинки, таверны, кабачки, трактиры, кофейни, кондитерские, чайные... По мощёным улочкам сновали торговцы пирогами, пивом, табачными изделиями.

У приезжего могло создаться впечатление, что в городке только и занимались тем, что пили и ели. Собственно говоря, так оно и было на самом деле. Владельцы и работники магазинчиков и лавок, мастерских по пошиву и ремонту обуви и одежды, мастерских и магазинов ювелирных и скобяных изделий, адвокаты, стряпчие большую часть времени проводили в шинках и других, как говорили в СССР, пунктах общепита. Там, за чашкой кофе или чая, стаканом бимбера или дешёвого вина, кружкой местного пива решались дела, проворачивались сделки, шёл обмен новостями, собирались и распространялись сплетни.

В одном из таких злачных мест, в шинке старого города, решил сделать привал проснувшийся подполковник. По всему, он тут бывал неоднократно, так как хозяин, пожилой еврей, одетый не по погоде в тёмного цвета шерстяную тройку, завидев вошедшего, поднял руки и эмоционально воскликнул:

– Господь праведный! Ты таки послал мне наконец пана полковника!

Шинкарь стряхнул грязным полотенцем со столика на пол крошки.

– Панам офицерам для начала бимбера или только покушать?

Зайцев, секунду подумав, ответил:

– Мне бимбера, ему, – он указал на водителя, – холодного лимонада, а ты, Гордеев, что пить будешь?

Не дождавшись ответа, продолжил:

– А ему пива.

Шинок был неопрятный. Пол устилал толстый слой опилок, стены обшарпанные, засиженные мухами старые литографии, давно немытые стёкла окон. Зато в шинке было прохладно и безлюдно.

Пиво оказалось холодным и приятным на вкус, а поданное жаркое – телятина и картофель, тушённые в сливках, – просто отменным. Пообедав, сержант Батрак, оставил командиров, пошёл охранять машину. Мало ли чего случится. Зайцев, допив остаток бимбера, удовлетворённый откинулся на спинку стула, закурил венгерскую контрабандную сигарету, пачку которых с загадочной улыбкой принёс шинкарь.

– Вы, Алексей Михайлович, не обижаетесь, что я на «ты» перешёл? Вы всё же в сыновья мне годитесь.

– Что вы, товарищ подполковник, мне так приятнее. Непривычно как-то, когда «выкают».

– Ну и ладно. Старайся, Гордеев, всё замечать, делать зарубки в мозгу. Проявляй бдительность, местным никому не доверяй, никому ничего не обещай, не выпивай с ними, остерегайся женской навязчивости.

– Как же так? Мы же их вроде как освободили, и теперь они такие же советские, как и мы! – с горячностью воскликнул Гордеев.

– Не горячись и не шуми так. Освободить-то освободили, но советская власть здесь ещё не окрепла, даже не укоренилась окончательно. Население мысленно живёт там, в несуществующей уже Польше, мыслит прежними категориями, побаивается нас, советских, особенно чекистов и военных, с опаской ожидает репрессий, всеобщей коллективизации, отмены частной собственности и экспроприации имущества. Западная Белоруссия буквально напичкана германскими шпионами и диверсантами, которые ждут своего часа.

– Вы считаете, что война с Германией неизбежна? А как же прошлогодний Пакт о ненападении, расширение взаимной торговли, постоянные заявления наших высших руководителей о дружбе с Германией?

Подполковник пристально поглядел на молодого командира, видимо, оценивая, пойдёт ли тот в особый отдел или нет.

– Знаешь, Гордеев, мне почему-то кажется, ты умный и порядочный человек. Да и награды твои говорят, немало хлебнул там, на финской. Мне не пришлось. После Испании послали учиться в Академию бронетанковых войск, а через полгода отозвали и направили в

бригаду, с которой во время освободительного похода дошёл до Бреста. Там нас и расквартировали. А война, дорогой мой, обязательно будет. Не верь нашей трескущей пропаганде. Сталин ведь войны не хочет. Он отлично понимает, не готовы мы к войне. Испания, финская война, да и освободительный поход показали: Красная армия в техническом отношении слаба, танки наши устарели, ты и сам это знаешь. Мизерная часть артиллерии на мехтяге, не хватает автомашин, ещё много чего... Главное же – народ приходит в армию безграмотный, с техникой не дружит. И с командирами большая проблема. Причина, думаю, тебе известна. Будет война. – Зайцев тяжело вздохнул. – И очень скоро будет. Но, гляди, Гордеев, помалкивай, язык за зубами держи. Службу неси исправно, уши держи наостре, головой крути на триста шестьдесят градусов. Устанешь, захочешь пообщаться, заходи ко мне домой. Я один живу.

– Что так? – удивился Гордеев.

– Пока в Испании был, моя дорогая супруга к интенданту ушла. Сытой и спокойной жизни захотела. Да и бог с ней. Детей ведь всё равно нет. Так что заходи, не стесняйся.

11

Танковая бригада была расквартирована в Бресте, в Южном военном городке, в двух с половиной километрах от границы. Позднее, прослужив два-три месяца, Гордеев понял, насколько дислокация бригады и развернувшейся на ее основе 22-й танковой дивизии 14-го механизированного корпуса 4-й армии Западного особого военного округа, была крайне невыгодной. Районом сбора бригады, а потом дивизии, являлся район Жабинки. Чтобы туда попасть, необходимо было переправиться через реку Мухавец, пересечь Варшавское шоссе и две железнодорожные линии: Брест – Барановичи и Брест – Ковель. Любой мало-мальски грамотный командир понимал, что на время прохождения бригады (дивизии) остановится всякое движение в районе Бреста, начнётся транспортный коллапс, а в городе – хаос.

Гордеев задавал себе вопрос: неужели командование округа этого не понимает? Как и не понимает того, что близкое расположение к границе создаёт угрозу больших потерь личного состава, техники, боеприпасов и ГСМ от артиллерийского огня противника и окружения. Но Гордеев, помня слова подполковника Зайцева, держал язык за зубами, ни с кем такие вопросы не обсуждал.

Приняли его в бригаде хорошо. Как и всех молодых командиров, разместили в так называемом Доме командирского состава, добротном двухэтажном кирпичном здании; выделили большую и светлую комнату с армейской металлической кроватью, платяным шкафом, тумбочкой и тремя стульями. В конце коридора располагалась общая кухня, а за ней – общие туалет и ванная комната с душем. Питался Алексей в офицерской столовой, в магазине военторга покупал хлеб, масло и колбасу на завтрак.

С соседями он старался поддерживать хорошие отношения, был приветлив, помогал, чем мог по хозяйству, участвовал в коллективных праздничных застольях, но выпивал символически. Вскоре он обратил внимание на то, что большинство молодых семей командиров питались не дома, а в столовой, лишь по вечерам собираясь на кухне для чаепития. Оказалось, что молодые жёны просто не умели готовить. Многие из них недавно окончили профессиональные училища, техникумы, некоторые – вузы, привыкли к жизни в общежитиях и питанию в студенческих столовых. А те, кто были выходцами из села и, кроме простейшего набора продуктов в виде картофеля, капусты, моркови, лука и чеснока, ничего другого ранее не видели, просто не знали, что выбрать на богатом продуктовом рынке Бреста, как приготовить рыбу, курицу, говядину или свинину.

Однажды Гордеев был свидетелем совсем анекдотического случая. Его коллега, командир танковой роты, устроил ужин по случаю дня рождения супруги. Молодая женщина, желая удивить супруга и гостей, приготовила густые щи на сборном мясном бульоне. Мясо в щах оказалось жёстким, явно недоваренным, равно как и хрустевшие на зубах овощи. Но вкус был какой-то необычный, непривычный, отбивавший традиционный аромат щей. На удивлённые взгляды гостей улыбающаяся хозяйка с гордостью заметила:

– Что, вкусно? Необычно, да? Это я туда апельсиновые цукаты и сушёный инжир добавила. Поляки на рынке посоветовали!

Как же про себя смеялся Алексей, жалея бедную именинницу, никогда ранее не пробовавшую апельсинов и инжира, и не понявшую злую издёвку польских торгашей контрабандным товаром.

Гордеева назначили командиром третьей роты первого батальона бригады. Прежний командир уехал на учёбу в Ленинград, в высшую бронетанковую школу, готовившую командиров танковых батальонов и полков. Личный состав роты оказался неоднородным. Командиров первого и второго взводов, младших лейтенантов Шумейко и Ключева, в период советско-фин-

ской войны окончивших краткосрочный курс танковых училищ, но на войну не успевших попасть, только условно можно было считать командирами. Техники они не знали, в приборах наведения орудия не разбирались, организовать элементарный ремонт танка были не способны. Путались в уставах, не умели читать карту, за чистотой танкового пулемёта и штатных карабинов не следили, так как сами в них мало что понимали. Недостаточно времени уделяли физической подготовке бойцов. Но с подчинёнными, как это часто бывает, держали себя высокомерно и заносчиво. Не зная чем занять своё служебное время, гоняли своих танкистов строевой подготовкой на плацу.

Командир третьего взвода, лейтенант Бузов, только прибыл в бригаду из 1-го Харьковского бронетанкового училища имени Сталина. Парнем он оказался способным, технически подготовленным и любопытным. Невысокого роста, физически развитый, Бузов сразу понравился Алексею. Танки его взвода сияли чистотой. Механики-водители относительно неплохо знали своё дело. Оружие было в свежей смазке.

Помпотех роты, воентехник 2-го ранга Паламарчук, человеком оказался безвольным, вялым, постоянно ноющим на нехватку запчастей и горюче-смазочных материалов. На вопрос Гордеева, что он лично сделал для ликвидации дефицита, тот пожимал плечами и прятал глаза.

Подготовка механиков-водителей роты оставляла желать лучшего. Заряжающие плутали в номенклатуре пушечных снарядов, часто путая бронебойные, бронебойно-трассирующие, подкалиберные, осколочные и картечь.

В роте имелось шестнадцать танков Т-26, по пять единиц на взвод и один командира роты. Машины были разновозрастные и неоднородные в техническом состоянии. Треть парка составляли новые танки, образца тридцать девятого года, с более современными и мощными двигателями. Остальные, участвовавшие в прошлогоднем освободительном походе, имели выработавшие ресурс двигатели, изношенные подвески, в них отсутствовали танковые переговорные устройства (ТПУ), а на командирских – радиостанции.

Одним словом, тщательно ознакомившись с личным составом и состоянием техники, Гордеев пришёл к выводу – рота в боевом отношении ничего собой не представляла. Первое, что следовало в таком случае сделать, доложить командиру батальона. Но Алексей понимал, либо комбат был в курсе всего этого, либо сам слабо разбирался в танковом деле. Хотя капитан Луценко произвёл на него вполне благоприятное впечатление. Молод, подтянут, аккуратен, немногословен, выражается нормальным командирским языком, в меру насыщенным ненормативными терминами. И всё же Алексей решил сперва посоветоваться с подполковником Зайцевым.

Дождавшись вечера, прячась за деревьями и кустами, он незаметно прокрался к коттеджу, в котором квартировал начальник штаба бригады. Алексей понимал, заметь его кто-либо из знакомых, обязательно станет известно комбату. А ему вовсе не хотелось прослыть стукачом. Отношение к нему сразу изменится.

В доме светились два окна. Он тихо постучал. За дверью долго стояла тишина, затем она приоткрылась, показалась всклокоченная голова Зайцева, послышался недовольный голос только проснувшегося человека:

– Кого черти принесли?

– Это я, старший лейтенант Гордеев. Извините за беспокойство, товарищ подполковник.

– А, заходи, Гордеев. Чего по ночам бродишь? Заходи, заходи. Сейчас самовар поставлю, чай будем пить. У меня, знаешь ли, отличный чай. Друзья из Грузии привозят. А ты пока посиди.

Зайцев подтянул галифе, накинул на плечи китель и, шаркая домашними стоптанными тапками, отправился на кухню.

Алексей устроился в гостиной на старом плюшевом диване, стал осматривать начальское жильё. Было оно весьма скромным и каким-то запущенным, нежилым, неудобным. Чувствова-

лось отсутствие глаз и рук хозяйки. Только большой книжный шкаф, заполненный от пола до потолка, вносил некое оживление в эту холостяцкую берлогу. Алексей подошёл к шкафу и с интересом стал рассматривать его содержимое. Собрания сочинений Льва Толстого, Чехова, Гоголя, Достоевского, томики стихов Пушкина, Фета, Тютчева, энциклопедические словари, старые издания по военной топографии, фортификации, книги на немецком и итальянском языках о танках, – всё это вызвало у него зависть и глубокое уважение к Зайцеву.

– Что, нравится библиотека? Если захочешь, не стесняйся, бери, читай, но с возвратом. Не терплю разгильдяйства. А сейчас давай чай пить. У меня и варенье отличное есть – вишнёвое, абрикосовое, кизиловое, сливовое.

Зайцев не торопил старшего лейтенанта. Только выпив третью чашку и не спеша закулив, спросил:

– Давай выкладывай, что привело тебя ко мне?

Гордеев всё и выложил, что накипело, с чем столкнулся и что никак не мог понять и принять. Раскрасневшись от чая и волнения, он замолчал, в упор глядя на подполковника. Зайцев молчал, посасывая изжёванный мудштук погасшей папиросы, не поднимая глаз на Гордеева.

– Командиру батальона докладывал?

– Никак нет. Решил с вами посоветоваться.

– Капитан Луценко неплохой командир. Но в танковых делах пока слабо разбирается, недавно переведён к нам в бригаду из расформированной кавалерийской дивизии. Командовал эскадром, отличился в освободительном походе. Под Львовом участвовал в разгроме польской оперативной группы генерала Владислава Андерса, за что получил орден Красной Звезды. Но ты прав, всего понять, о чём ты говорил, он не может. А помпотеху батальона докладывал?

– Да сто раз говорил, – горячился Гордеев, – толку никакого. Запчастей нет, ключей нет, масла нет... А как, скажите, технику в боевом состоянии содержать?!

Зайцев вновь закурил, прошёлся по комнате, заложив большие пальцы рук за подтяжки бриджей. Затем вынул из большого кожаного портфеля толстую папку.

– Сейчас, Гордеев, я нарушу закон, сообщив тебе некоторые секретные сведения. За их разглашение мне светит трибунал. Но я уже говорил, верю я почему-то тебе. Слушай внимательно и мотай на ус. Главной ударной силой нашего округа являются танки новых, формирующихся механизированных корпусов. К лету будущего года их будет около трёх тысяч. Только в нашей 22-й дивизии должно быть 413 танков, из которых тяжёлых КВ-105, средних Т-34 – двести десять, лёгких БТ-7 и Т-26 – сорок четыре и пятьдесят четыре химических танков на базе Т-26. А ещё девяносто один бронеавтомобиль. Силища, как ты понимаешь, огромная. Но! – Зайцев ткнул пальцем в потолок. – Гладко, как говорится, было на бумаге, да забыли про овраги. Если с количеством бронемашин дела обстоят более или менее нормально, с запчастями – совсем худо.

Подполковник извлёк из папки несколько листов документа, положил их перед Гордеевым.

– На, погляди, это копия доклада начальника Главного автобронетанкового управления РККА генерал-лейтенанта Федоренко наркому обороны.

Алексей жадно вцепился глазами в текст документа. Из доклада следовало, что на 1941 год для обеспечения эксплуатации наличного парка бронемашин, а также для создания в Красной армии неприкосновенного запаса по запчастям требуется танковых запчастей на сумму 476 миллионов рублей, выделено же – 219 миллионов; автомобильных и тракторных – на сумму 207 миллионов рублей, выделено – 112,5 миллиона. Заводы № 37, 174 и 183 сокращают выпуск запчастей к танкам БТ, Т-26 и трактору «Коминтерн». Особенно плохо обстоит дело с остродефицитными танковыми и автотракторными деталями. Так, производство деталей моторной группы (поршни, шатуны, поршневые кольца и пр.) сокращается из года в год.

Алексей поднял удивлённые глаза на подполковника.

– Да, брат, вот такие дела. Посмотри вот это, – Зайцев придвинул новый документ, – копия справки Главного артиллерийского управления РККА.

По данным ГАУ, на складах бронебойных снарядов калибра 76-мм для танков КВ и Т-34 не имелось. Более того, около 100 тысяч выпущенных заводами корпусов снарядов калибра 76-мм так и не были снаряжены. Почти до середины 30-х годов о производстве специальных бронебойных боеприпасов для орудий калибра 76-мм речи вообще не велось, так как практически все зарубежные танки того периода имели противопульное бронирование, с которым вполне справлялся снаряд калибра 45-мм, производство которого было поставлено на поток. В справке прямо говорилось, советская военная промышленность не сумела вовремя среагировать на очередной виток технологической гонки – появление первого поколения танков с противоснарядным бронированием. Ситуация усугублялась еще и худшим качеством советских боеприпасов по сравнению с 75-мм германскими боеприпасами. Это объяснялось тем, зло хлестал документ, что в СССР был страшный кадровый голод. Просто не имелось достаточного количества квалифицированных рабочих, отчего было невозможно обеспечить линию производства бронебойных снарядов тройкой специалистов высокой квалификации (токарь, сварщик, штамповщик), как это сделали немцы. Рабочие этих профессий были наперечет, их распределяли по заводам «поштучно».

Алексей, прочитав справку, не поднимал глаза. Он был подавлен. А Зайцев, словно решив его добить, выложил новый документ.

– Читай, Гордеев, читай. Это справка о штатном количестве автотранспорта в нашем корпусе, и сколько машин реально мы сможем иметь к весне сорок первого года.

По штату формирующийся мехкорпус должен был иметь грузовых автомашин ГАЗ – 1131 единицу, ЗИС – 1544, передвижных мастерских – 170, автоцистерн – 343. В реальности же через полгода их будет: ГАЗ – 540, ЗИС – 260, мастерских – 14, цистерн – 30.

Прочитав, Гордеев сверкнул злыми, полными слёз глазами.

– Это что же, – хрипло проговорил он, – получается, кругом враги народа? Кругом измена?

Подполковник собрал документы, убрал их в портфель, наполнил чашки чаем. Заговорил спокойно, размеренно, будто читал лекцию в аудитории:

– Нет, Алексей, не так. Во-первых, страна только в середине 20-х годов приступила к индустриализации. Не хватало ни денег, ни материальных ресурсов, ни современных машин и оборудования. Во-вторых, не было достаточного количества кадров. Мы, считай, недавно от безграмотности отбились. Как же за двадцать лет целую армию квалифицированных рабочих подготовить? Ну и, в-третьих, – Зайцев почесал затылок, – ох, и расстреляют меня, – страну покинули лучшие учёные и инженеры, других расстреляли, а иные в лагерях гниют. Вот и весь сказ! Нужны еще разъяснения? Немцы по уровню развития техники и профессионального образования на две головы выше нас. Германия, Гордеев, очень сильный враг. Тяжело нам воевать с нею придётся. Но, будь уверен, мы победим. Неимоверными усилиями и большими жертвами, но победим. Советую тебе, старший лейтенант Гордеев, все свои знания и боевой опыт направить на подготовку личного состава, на содержание техники в образцовом порядке, на изучение опыта РККА в последних войнах и военных конфликтах. Верю в тебя, Гордеев. А всё, что ты мне тут рассказал, я возьму на заметку.

12

После ночного разговора с подполковником Зайцевым Алексей как будто бы открыл новую страницу своей жизни. Работа с личным составом роты обрела системный характер. Он ежедневно проводил занятия с командирами взводов, механиками-водителями, наводчиками-заряжающими, наладил физподготовку; бойцы кропотливо стали изучать уставы и наставления. На занятия стал захаживать командир батальона капитан Луценко. Как правило, он садился в дальний угол класса или бокса (когда занятия проводились по материальной части), внимательно слушал, что-то записывал, потом тихо и незаметно уходил.

Повысились требования к командирам взводов. Через месяц Гордеев объявил им о том, что их ожидают зачёты по знанию материальной части танка и уставам, вождению боевой машины. Кто, по его словам, зачёты завалит, будет отстранён от командования взвода, и он, ротный, поставит перед комбригом вопрос об их неполном служебном соответствии.

С первого захода зачёты сдал лишь лейтенант Бузов, командир третьего взвода. Младшие лейтенанты Клюев и Шумейко, хотя и заметно подтянулись, особенно в знании уставов и наставлений, зачёты с треском провалили. Ротный, объявляя итоги, строго предупредил:

– Даю неделю на пересдачу. Третьего раза не будет.

Всю неделю взводные не выходили из классов и танковых боксов; их окна в командирском общежитии долго светились по ночам, шла усиленная подготовка. На зачёт они явились уставшие, осунувшиеся. Вся их спесь куда-то улетучилась. Зачёты они сдали. Причём продемонстрировали вполне приличные знания и навыки. Гордеев их похвалил. На радостях Клюев и Шумейко вечером надрались самогоном и устроили громкое песнопение за пределами военного городка. Комендантский патруль их подобрал и отправил на гарнизонную гауптвахту. Комбат велел Гордееву их оттуда забрать и поместить на гауптвахту свою, бригадную. Но ротный убедил комбата:

– Чего их, товарищ капитан, на отдыхе держать? Пускай танки драют. От трудотерапии больше пользы.

В этот год в связи с формированием дивизии в летние лагеря не выезжали, но в конце ноября командующий округом генерал-полковник Павлов объявил о начале учений, в ходе которых должны были отрабатывать боевое взаимодействие стрелковых дивизий с танковыми бригадами. Рота Гордеева по итогам учений была признана лучшей. На отлично прошла двухкилометровую танковую директрису, поразила все цели. Техника работала безотказно. По итогам учений на общем построении командиров командующий округом вручил Гордееву именные командирские часы, пожал руку и, обняв, шепнул:

– Молодец, сынок. Побольше бы нам таких командиров.

В начале августа сорок первого года Гордеев узнал, что по постановлению военного трибунала генерал-армии Павлов был расстрелян. Тогда он вспомнил этого физически крепкого, с крупным волевым лицом, начисто бритой головой, буравящим взглядом человека, от которого исходила мощная энергия. И он, Гордеев, по-человечески жалея генерала, так и не смог дать себе ответ: виноват ли был Павлов в полной дезорганизации управления войсками округа, в огромных потерях личного состава, боевой техники, складских запасов боеприпасов, горючего и продовольствия?

По итогам боевой и политической подготовки в сороковом году роту Гордеева признали лучшей в бригаде, а ему досрочно было присвоено звание капитан. Лейтенантами стали Клюев и Шумейко. Лейтенанта Бузова наградили почётной грамотой командира корпуса.

В конце декабря Гордеева вызвал к себе парторг их только сформированного 43-го танкового полка и с ходу предложил вступить в ряды ВКП (б).

– Ты, Гордеев, хотя и молодой ещё, но вполне состоявшийся командир, с большим боевым опытом. Партии такие люди нужны. Пиши заявление. Я за тебя поручусь и, думаю, начштаба дивизии подполковник Зайцев тоже. Согласен?

Гордеев отказаться не мог, хотя и очень хотел. Отказ был равносителен концу карьеры.

– Так точно, товарищ старший батальонный комиссар, – горячо выпалил Алексей, артистично придав лицу выражение крайнего удивления и безмерной радости. – Благодарю за доверие!

Написав заявление, он, поглощённый служебными делами, на какое-то время забыл об этом. Но время шло, а никакого движения не было. В конце января сорок первого года Алексей, повстречав парторга, спросил, когда его пригласят на партбюро полка? Комиссар замялся, пряча глаза, но всё же честно сказал:

– Слушай, Алексей, у тебя ничего не было с начальником особого отдела полка Бригадзе?

Гордеев от удивления не знал, что ответить и с минуту задумался.

– Никак нет, товарищ старший батальонный комиссар, я с ним ни разу не общался. Видел только на совещаниях в штабе.

– Похоже, какая-то кляуза у него на тебя имеется. На твоём заявлении о вступлении в партию он написал: «Пока отложить».

– Ну, так и ладно, – улыбнулся Гордеев, – я ведь не спешу. Подождём. Если надо, разберутся.

Они расстались, пожав друг другу руки, и парторг, озадаченный спокойствием ротного, сам успокоился. «Оно и верно. Пусть разбираются». Алексею же после этого разговора стало как-то мутно на душе, неуютно, порой казалось, некоторые люди отворачиваются от него, что изредка он ловит на себе осуждающие взгляды. Но так ему только казалось. Обида и молодое честолюбие были тому причиной. И, конечно, тревога, занозой сидевшая после того разговора со старым знакомым чекистом в столовой окружного управления автобронетанковых войск.

После одного из еженедельных совещаний командного состава в штабе полка, когда командиры гурьбой повалили на улицу покурить, Гордеева окликнули:

– Капитан Гордеев, задержитесь!

Алексей обернулся. Особист полка Бригадзе махнул ему рукой.

– Если не возражаете, давайте зайдём ко мне, поближе познакомимся, поговорим.

– Какие могут быть возражения, товарищ старший лейтенант госбезопасности? Всегда к вашим услугам, – спокойно ответил Алексей, но внутренне напрягся.

В просторном кабинете полкового чекиста мебель была стандартная: большой рабочий стол, над которым висели портреты Сталина и Дзержинского, кресло, явно добытое из какого-то прежнего польского официального учреждения, приставной стол для совещаний и по обеим его сторонам с десятков стульев. В углу, слева от двери, стоял массивный, крашенный в серый цвет, сейф, на котором сверкали чистотой графин с водой и несколько стаканов.

Бригадзе уселся не в кресло, а за приставной стол, демонстрируя демократичность и уважения к собеседнику.

– Присаживайтесь, Алексей Михайлович. Курите, – он придвинул к Гордееву красивую коробку иностранных папирос, каких на брестском рынке продавалось несметное количество.

– Спасибо, не курю.

– Похвально. А, я с вашего позволения, закурю.

Особист был красивым высоким мужчиной с неярко выраженной кавказской внешностью. Видимо, сыграла свою роль славянская кровь матери. Его умные глаза глядели пристально, но доброжелательно. Он расстегнул верхнюю пуговицу, под габардиновым кителем с двумя малиновыми шпалами на краповых петлицах показалась иссини-белая сорочка.

– Как настроение, Алексей Михайлович?

- Спасибо, нормальное.
- Слухами земля полнится. Говорят, невесту ждёте?
- Да, скоро на каникулы должна приехать. Последний экзамен остался.
- Скоро свадьба?
- Пока не решили. Время покажет.

Бригадзе без перехода сменил тему, лицо его стало серьёзным.

– В нашей офицерской столовой работает одна симпатичная блондинка, Ядвига её зовут, полька. Наверное, видели?

Гордеев утвердительно кивнул головой. Бригадзе продолжил:

– По моим данным, она на вас давно глаз положила, допоздна остаётся после окончания её смены, дожидается, когда придёте.

Алексей не удержался, скривил лицо.

– Не понимаю, товарищ старший лейтенант госбезопасности, какое отношение эта девушка имеет ко мне?

Чекист улыбнулся.

– Пока никакого. Пока, Алексей Михайлович. Дело в том, что Ядвига Гуральска, двадцати пяти лет отроду, до тридцать девятого года была агентом польской военной разведки. А затем плавно перекочевала в абвер, то есть уже в германскую военную разведку. Мы давно за ней наблюдаем и хотели бы взять её в более широкую оперативную разработку. Для этого-то вы нам и нужны. Я ясно излагаю свои мысли?

Гордееву всё стало понятно. С одной стороны, он осознал, чекистам нужно помочь в разоблачении шпионки. С другой, ему совершенно не хотелось в этом участвовать. Немного подумав, он сказал:

– Меня эта особа совершенно не интересует. У меня есть невеста, и я люблю её. Считаю, что моё участие в, как вы выражаетесь, оперативной разработке, Ядвигой скоро раскроется, ведь я не смогу быть с ней искренним и любящим кавалером. Да и работы у меня выше головы. Вы же знаете, товарищ старший лейтенант госбезопасности, идёт формирование дивизии. Недавно у меня забрали всех механиков-водителей во вновь создающийся танковый полк. Новых приходится готовить заново, из прибывшего пополнения. Муторное это дело.

Особист прошёлся по кабинету и, остановившись рядом с Алексеем, непринуждённо заметил:

– Я, собственно говоря, и не ожидал от вас иного ответа. Хорошо понимаю вашу служебную загруженность и высоко ценю вас как отличного командира. Но прошу помочь нам хотя бы советом. Я в полку человек новый, людей знаю пока слабо. Подскажите, на кого можно рассчитывать.

– Есть у меня один человек, – ответил Гордеев, – лейтенант Бузов, командир третьего взвода. Толковый, грамотный и весьма воспитанный парень. Симпатичный, спортивного вида. Женщины таких любят. Хотите, поговорю с ним?

– Не надо, я присмотрюсь к нему. А за совет спасибо, – Бригадзе протянул Алексею руку. – Полагаю, вам не надо объяснять, что наш разговор должен остаться в стенах этого кабинета.

Гордеев утвердительно качнул головой, поднялся, понимая окончание randevu с особистом.

– Кстати, Алексей Михайлович, совсем забыл вам сказать. Когда я принимал дела начальника особого отдела полка, мне попался один документ, копия рапорта некоего Ламзина, бывшего сотрудника особого отдела автобронетанкового управления Ленинградского военного округа.

Гордеев насторожился, холодок пробежал по спине, но старался держать себя в руках и не показать нервного напряжения. Чекист продолжил:

– Обычный грязный донос морально нечистоплотного человека. Он утверждал, что вы и ваша мать были тесно связаны с группой арестованных в Ленинграде врагов народа. Проведённая проверка установила только факт вашей личной дружбы с одной из осуждённых, и больше ничего. Кстати, этот самый Ламзин был арестован, обвинён в пытках допрашиваемых им людей и расстрелян по приговору военной коллегии. Я уничтожил этот документ. Можете служить спокойно.

Алексей выпрямился, отдал честь и почти шёпотом вымолвил:

– Спасибо, товарищ старший лейтенант госбезопасности. Можете всегда на меня рассчитывать.

13

В начале февраля должна была приехать Оля. По этому случаю Гордееву дали недельный отпуск. В день приезда, выпросив на два часа у замполита полка трофейный, вернее брошенный поляками в Бресте при отступлении, «Рено – Вивастелла» 1936 года выпуска, Алексей купил в цветочном магазине букет прекрасных роз и отправился на вокзал. Без шинели (благо февраль стоял тёплый), в одном парадном кителе при всех наградах он вышагивал по перрону в ожидании поезда. Мощный паровоз, обдавая встречавших густыми облаками пара, медленно тянул длинный состав вдоль перрона, послал в воздух последний сигнал и ювелирно остановился в сантиметрах от финишного бруса, за которым оканчивались рельсы.

Всё пришло в движение. Встречавшие заматались по перрону, отыскивая нужные вагоны; прибывшие выгружали багаж, звали носильщиков, возбуждённо махали руками; множество милиционеров в синих двубортных шинелях и зимних шапках внимательно рассматривали встречавшую и приехавшую публику, бодро отдавали честь Гордееву и другим командирам. Иногда они хватали за шиворот какого-нибудь неумелого щипача, грубо пытавшегося залезть в чей-то карман, и без слов волокли его к вокзалу; иногда проверяли документы у прибывших, город-то был пограничный. Среди приехавших основную массу составляли армейские командиры и пограничники. Много было и молодёжи, по набору прибывших осваивать недавно освобождённые от поляков районы Западной Белоруссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.